

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

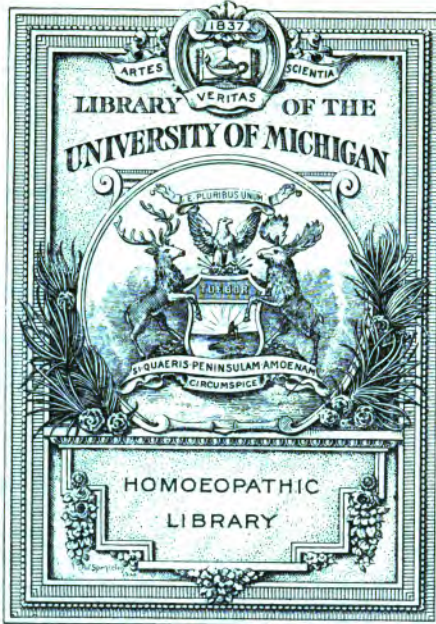
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

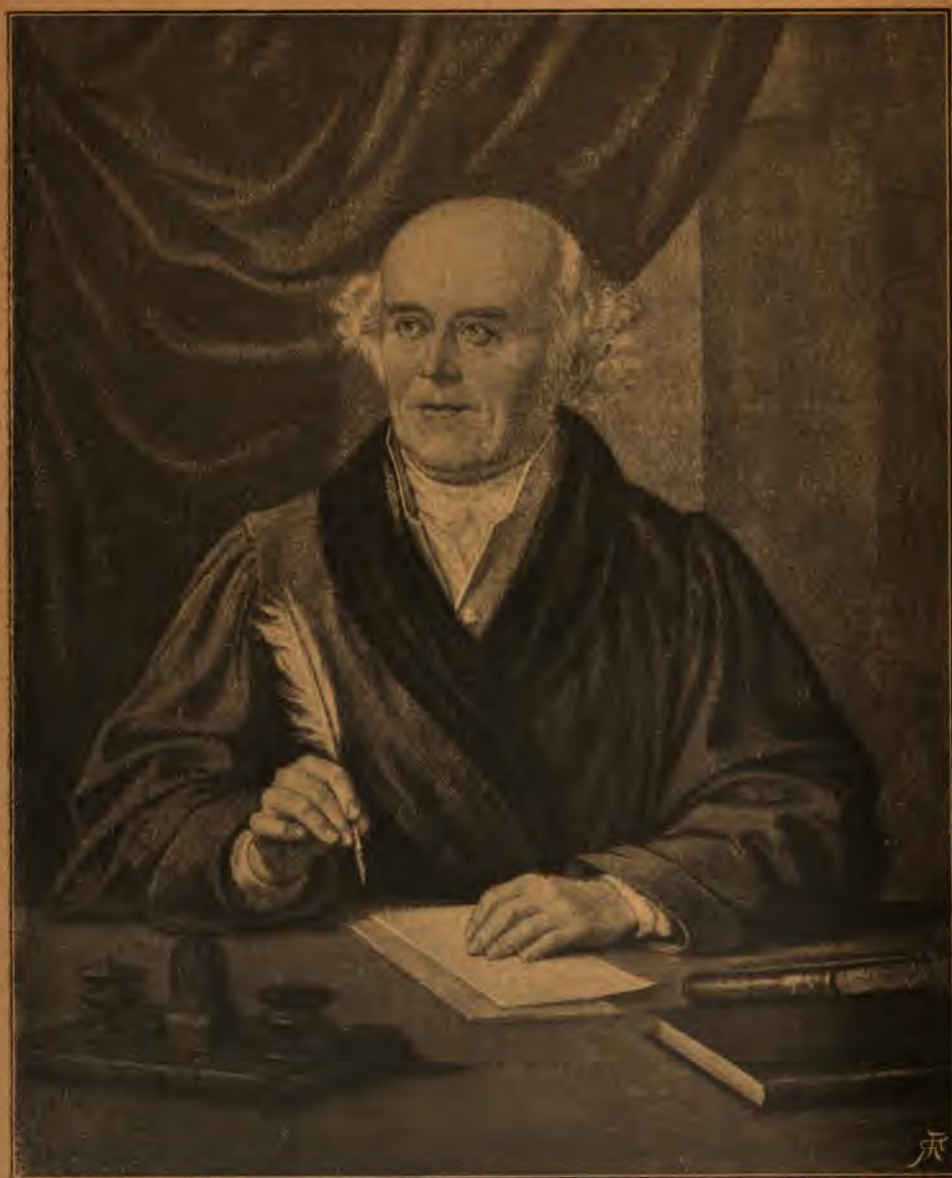
B 477295

И. С. Брасовъ

САМУИЛЪ
ГАНЕМАНЪ

THE GIFT OF
The publishers.

Самуилъ Ганеманъ.

Родился 10 Апрѣля 1755 г. въ Мейссенѣ.

Скончался 2 Юля 1843 г. въ Парижѣ.

САМУИЛЬ ГАНЕМАНЪ.

ОЧЕРКЪ ЕГО ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Съ портретомъ Ганемана и 7-ю рисунками.

Доктора Медицины

Л. Е. Б Р А З О Л Я.

Изданіе С.-Петербургскаго Общества Врачей Гомеопатовъ.

С.-Петербургъ, 1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 октября 1896 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Со времени опубликованія Ганеманомъ его извѣстнаго принципа для нахождения специфическихъ свойствъ лѣкарственныхъ веществъ прошло *сто лѣтъ*. Открытіе это составило цѣлую эпоху въ практической медицинѣ, потому что, взамѣнъ прежняго произвола личныхъ мнѣній и несправимаго резонерства сочинителей медицинскихъ «системъ», былъ установленъ *опытный законъ лѣченія*, служащій неизмѣннымъ руководителемъ практическаго врача у постели больного, и такимъ образомъ терапія была поставлена въ рядъ *опытныхъ наукъ*. Интересующіеся этимъ предметомъ могутъ прочесть замѣчательную статью Ганемана, переведенную на русскій языкъ ко дню празднованія столѣтняго юбилея его медицинской реформы *). Подробную-же исторію возникновенія гомеопатіи и борьбы противъ ея распространенія читатели найдутъ въ прекрасномъ трудѣ доктора *Амеке* **), а изложеніе и защиту принциповъ гомеопатіи—въ публичныхъ лекціяхъ *автора* ***). Въ настоящее же время намъ ка-

) 1796—1896.—„Опытъ новаго принципа для нахождения цѣлительныхъ свойствъ лѣкарственныхъ веществъ“ Самуила Ганемана*. Переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ доктора медицины *Л. Бразоля*.

**) *„Возникновеніе гомеопатіи и Борьба противъ ея распространенія“* доктора *Вильгельма Амеке*. Переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ доктора медицины *Л. Бразоля*.

***) *„Публичныя лекціи о гомеопатіи“* доктора медицины *Л. Бразоля* съ приложеніемъ стенографическихъ отчетовъ преній и примѣчаній автора.—Изданіе третье. 1896 г.

Складъ изданій въ Аптекѣ Общества Врачей Гомеопатовъ С.-Петербургъ, Невскій, 82.

проявленіямъ, чтобы сохранять состояніе здоровья организма. Самымъ частымъ результатомъ дѣйствія этого тоническаго жизненнаго движенія является полнокрое, имѣющее мѣсто главнымъ образомъ въ воротной венѣ; поэтому полнокрое есть самая частая причина (всѣхъ) болѣзней.

Ф. Гобманъ (1660—1742) создалъ между духомъ и тѣломъ нѣчто посредствующее, замѣняющее у него мѣсто психеи Штала; это—*эфиръ*, тончайшее, летучее вещество, притягиваемое изъ воздуха, проникающее все тѣло и выдѣляемое мозгомъ. Частицы этого эфира (монады Лейбница) имѣютъ опредѣленную идею объ организмѣ и дѣйствуютъ на него согласно ихъ понятію о цѣлесообразности. Эта оживляющая или одухотворяющая сила организма дѣйствуетъ на основаніи механическихъ законовъ и управляетъ всѣми органическими движеніями или „тонусомъ“. Всѣ болѣзни происходятъ либо отъ чрезмѣрнаго напряженія тонуса или спазма, либо отъ чрезмѣрнаго его расслабленія или атоніи. Отъ атоніи сосудовъ происходитъ полнокрое и скопленіе въ воротной венѣ (какъ у Штала), а также неправильности выдѣленія соковъ, задержаніе выдѣленій, отдѣленіе солей, землистыхъ частей, кислотъ и проч.

Бѣргавъ (1666—1728) исходилъ больше изъ химической точки зрѣнія и думалъ, что болѣзни происходятъ отъ кислотъ, вяжущихъ, ароматическихъ, жирныхъ, маслянистыхъ и прочихъ соковъ.

Кѣлленъ (1709—1790) усматривалъ исходную точку жизни въ мозгу и нервахъ. Всѣ причины болѣзней дѣйствуютъ на нервы, вызывая въ нихъ противодѣйствующую, цѣлительную силу. Лѣкарства дѣйствуютъ черезъ нервную систему на желудокъ, а оттуда уже, динамически, на всѣ другія части.

Штолль (1742—1788) во всѣхъ болѣзняхъ искалъ гастрической элементъ; болѣзни, по его мнѣнію, происходятъ отъ гастрическихъ нечистотъ и отъ желчи.

Кэмпфъ (1726—1787) утверждалъ, что всѣ болѣзни происходятъ отъ „инфарктовъ“, т. е., отъ заваловъ, засореній, скопленій и закупорки не только въ „первыхъ путяхъ“ и въ кишечникѣ, но главнымъ образомъ въ сосудахъ воротной и маточной системы.

Система *Броуна* (1736—1788), имѣвшая большое распространеніе, объясняла сущность жизни тѣмъ, что человѣкъ

обладаетъ большею или меньшею степенью раздражительности или возбудимости, благодаря чему организмъ его имѣетъ способность отвѣчать на извѣстныя внѣшнія раздраженія, къ числу которыхъ, кромѣ обычныхъ возбудителей болѣзни, онъ причислялъ также вещества, поступающія въ желудокъ, кровь, воздухъ, собственную дѣятельность организма, мышечныя сокращенія, чувства, ощущенія, страсти. Всѣ раздражители дѣйствуютъ либо чрезмѣрно сильно, либо чрезмѣрно слабо, либо, наконецъ, въ должной мѣрѣ. Средняя мѣра раздраженія обусловливаетъ здоровье; слишкомъ сильная мѣра раздраженія вызываетъ избытокъ раздражительности—стенію, слишкомъ слабая мѣра раздраженія вызываетъ недостатокъ раздражительности—астенію. Такимъ образомъ всѣ болѣзни раздѣляются на стеническія и астеническія.

Такова была патологія 18-го вѣка. Терапія отъ нея не отставала. Такъ какъ для каждой болѣзни была придумана какая либо предполагаемая причина или сущность, то теперь противъ этой придуманной причины старались направлять цѣлый арсеналъ средствъ съ совершенно неизслѣдованнымъ и загадочнымъ механизмомъ дѣйствія или назначали лѣкарства на основаніи придуманнаго и произвольнаго мнѣнія о пригодности его для той или другой болѣзни, безъ всякаго соотношенія къ созданной теоріи болѣзни.

Такъ, напр., у *Шталля*, на основаніи мнѣнія, что полнокровіе есть причина всѣхъ болѣзней, главное средство противъ всѣхъ болѣзней есть кровопусканіе и опорожняющій методъ лѣченія во всѣхъ видахъ.

Гофманъ, считая всѣ болѣзни либо за спазмодическія, либо за атоническія, направляетъ противъ болѣзней, считаемыхъ имъ спазмодическими, лѣкарства, долженствующія, по его мнѣнію, успокаивать и расслаблять спазмъ, а противъ болѣзней, считаемыхъ атоническими, — лѣкарства, долженствующія укрѣплять, раздражать и возбуждать „тонусъ“.

Бѣргавъ, съ своей химіатрической точки зрѣнія, направлялъ противъ враждебныхъ соковъ всевозможныя очищающія, разрѣшающія, смягчающія и тому подобныя средства.

У *Келлена* терапія не вытекала изъ его патологическихъ предположеній; патологія оставалась сама по себѣ, а терапія—сама по себѣ. Онъ больше всего примѣнялъ возбуждающія (вино) и тоническія (хину).

Штолль, ратуя противъ гастрицизма всѣхъ болѣзней, противъ всѣхъ болѣзней назначалъ рвотныя и проносныя для удаленія вредныхъ матерій.

Кэмпфъ противъ инфарктовъ всѣхъ болѣзней примѣнялъ слабительныя и, главнымъ образомъ, клистиры, состоявшіе изъ смѣси *rad. taraxaci, graminis, saponariae, cardui benedicti, fumariae, marrubii albi, millefolii, chamomillae, verbasci*, пшеничныхъ или ржаныхъ отрубей, съ прибавленіемъ еще какихъ либо „подходящихъ“ къ данному случаю травъ.

Взгляды Штолля и Кэмпфа и ихъ методы лѣченія считались „блестящимъ усовершенствованіемъ медицины“, которыми „должны гордиться нѣмцы“. Они приобрѣли себѣ безчисленныхъ приверженцевъ среди врачей и публики и господствовали многіе годы.

У *Броуна* всѣ лѣкарственныя средства, подобно тому какъ и болѣзни, сведены на стеническія и астеническія. Противъ стеническихъ болѣзней — астеническія средства, кровопусканіе, холодъ, рвотныя, слабительныя, потогонныя. Противъ астеническихъ болѣзней — стеническія средства, мясо, теплота, вино, движеніе, летучія раздражающія вещества, мускусъ, камфора, эфиръ, опиумъ.

Незнаніе точныхъ свойствъ лѣкарственныхъ веществъ старались замѣнить полифармаціею, т. е., смѣшеніемъ множества лѣкарствъ въ одномъ предписаніи, и чрезмѣрною величиною приемовъ. Каждый порядочный „рецептъ“ долженъ былъ состоять изъ основного (*basis*), вспомогательнаго (*adjuvans*), исправляющаго (*corrigen*s), направляющаго (*dirigen*s) и форму дающаго (*constituens*). Смѣси изъ 8—10 и больше средствъ составляли общее правило. Знаменитое *theriacum* состояло изъ 66 средствъ, въ числѣ которыхъ главнѣйшія были слѣдующія: морской лукъ, корица, перецъ, макъ, сушенныя розы, мирра, шафранъ, имбирь, терпентинъ, мастика, гентіана, анисъ, укропъ, акація, кардамонъ, деготь, медь, вино и пр., и пр.

Въ острыхъ болѣзняхъ рецепты мѣнялись нѣсколько разъ въ день, а въ хроническихъ—каждые два-три дня. Наиболѣе употребительныя средства были селитра, ртуть, желѣзо, хина, опій и горькія,—большею частію всѣ вмѣстѣ и съ примѣсью многихъ другихъ, считавшихся менѣе существенными. Всѣ эти лѣкарства назначались въ громадныхъ прие-

махъ; ртуть — до изъязвленія десенъ, разрушенія зубовъ и полнаго отравленія организма, опій — до одурѣнія. Тифозныхъ обыкновенно лѣчили такъ: Помимо множества средствъ, давали опій, каждые $\frac{1}{4}$ часа по 10—12 капель, до наступленія сна, послѣ чего приемы удваивались и постепенно увеличивались, „пока, наконецъ, можно было поддержать здоровье менѣе сильными раздражителями“. При „слабости“ давали съ самаго начала сейчасъ 150 капель настойки опія, что равнялось 11 гранамъ чистаго опія, а затѣмъ продолжали въ меньшихъ количествахъ. Нѣкоторые врачи прописывали въ теченіе одного года по нѣсколько фунтовъ чистаго опія. Въ такой же, если не въ большей мѣрѣ, злоупотребляли хиною; были врачи, которые прописывали по нѣсколько сотъ фунтовъ хины въ теченіе года. Тысячи людей падали жертвою такого злоупотребленія ртутью, опіемъ, хиною и другими сильно дѣйствующими средствами. Изъ наружныхъ средствъ во всеобщемъ употребленіи находились нарывные пластыри, заволоки и моксы.

Но такъ какъ въ то время, и даже значительно позднѣе, преобладало въ медицинѣ *онтологическое* направленіе, т. е., идея, что болѣзнь есть нѣчто особенное, постороннее, приходящее, поселяющееся въ организмъ и требующее изгнанія, то „опорожняющій“ методъ лѣченія всегда и вездѣ стоялъ на первомъ планѣ. Злоупотребленіе рвотными, слабительными, клистирами, кровососными банками, пиявками и, особливо, кровопусканіемъ не знало никакихъ границъ. Клистиры назначались больнымъ по нѣсколько разъ въ день ежедневно, въ теченіе многихъ лѣтъ; такъ что не составляло никакой рѣдкости видѣть больныхъ, получившихъ нѣсколько тысячъ клистировъ въ періодъ ихъ врачебнаго лѣченія. Гете изъ году въ годъ и *ежедневно* пилъ, по предписанію врачей, Маріенбадскій Kreuzbrunnen, ежегодно болѣе 400 бутылокъ, прибавляя еще иногда горькую соль, кромѣ ежедневнаго употребленія пилюль изъ ревеня, ялаппы и асса-фетиды; кромѣ того онъ еще часто прибѣгалъ къ клистирамъ и къ сильнымъ кровопусканіямъ. Что же удивительнаго, что онъ сталъ страдать общею слабостью, головокруженіемъ, ослабленіемъ остроты умственныхъ способностей, и что даже его желѣзная натура не въ состояніи была выдержать такое лѣченіе.—Людовикъ XIII, въ теченіе одного года, получилъ отъ

своего лейбъ-медика Bouvard'a 47 кровопусканій, 215 рвотныхъ и слабительныхъ и 312 клистировъ. Вся *семья* Людовика XIV переведена въ лучший міръ кровопусканіями. — Императоръ Леопольдъ II Австрійскій, истощенный предшествующею болѣзнью и хроническимъ поносомъ, заболѣлъ 28 февраля 1792 г. лихорадкою и опухолью живота. Лейбъ-медикъ Лагузіусъ сдѣлалъ ему одно кровопусканіе и, такъ какъ оно не принесло пользы, то еще три послѣдовательныхъ кровопусканія, безъ облегченія, въ одинъ и тотъ же день. Врачи предположили ревматическую лихорадку и 29 февраля сдѣлали еще три кровопусканія. Императоръ совершенно ослабѣлъ и 1 марта умеръ при явленіяхъ бурной рвоты. — Сынъ его Императоръ Францъ I, въ 1835 г., будучи 67 лѣтъ, заболѣлъ лихорадкою. Ему пустили кровь; послѣ маленькаго облегченія лихорадка возвысилась; ему во второй разъ пустили кровь, послѣ чего общее состояніе его значительно ухудшилось. Приглашенные консультанты рѣшили сдѣлать еще два кровопусканія, послѣ которыхъ онъ умеръ въ теченіе 24 часовъ. — Рафаэль, Мирабо, Байронъ, Кавуръ покончены кровопусканіями. Кавуръ, заболѣвши 29 мая 1861 г. кишечною коликою со рвотою, въ тотъ же день получилъ одно кровопусканіе, 30 мая утромъ—второе и вечеромъ — третье, 1 іюня еще два кровопусканія, послѣ чего на другой день — общая слабость, смертельная блѣдность и холодъ конечностей; при попыткѣ приподняться въ постели—сильнѣйшее кровотеченіе изъ вскрытой вены, на-силу остановленное спѣшно призваннымъ хирургомъ. Ночь тревожна, огромная слабость, одышка и жажда. Къ утру Кавуръ самъ проситъ кровопусканія; хирургъ соглашается, вскрываетъ вену, но кровь не вытекаетъ; тогда выдавливаніемъ вены хирургу удается выдавить до 3 унцій свернувшейся крови. Общее состояніе ухудшается, ночью жаръ и бредъ: на голову ледъ и горчичники къ икрамъ. Слѣдующій день — хуже: кровососныя банки къ затылку и шпанскія мушки къ ногамъ. Викторъ Эммануилъ предлагаетъ открыть шейную вену; врачи почтительно соглашаются; но смерть Кавура предупреждаетъ ихъ вѣрноподаническое усердіе.

Такова была терапія 18-го и начала 19-го вѣка. Немудрено, что при такихъ условіяхъ у лучшихъ врачей не только

того времени, но также и значительно позже, вырывались признанія въ безпомощности и зловредности ихъ искусства.

Такъ, напр., *Бёргаавъ* говоритъ: „если сравнить все хорошее, совершенное какою нибудь поль-дюжиною истинныхъ сыновъ Эскулапа, со времени возникновенія на землѣ медицинскаго искусства, съ тѣмъ зломъ, которое причинили чело-вѣчеству неисчислимые доктора этого ремесла, то не окажется никакого сомнѣнія, что было бы выгоднѣе, если на свѣтѣ никогда не было бы врачей“.

Извѣстный лейбъ-медикъ и профессоръ *фонъ-Ведекиндъ* откровенно говоритъ: „значеніе медицины, если выразиться въ немногихъ словахъ, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что цивилизованныя націи страдаютъ гораздо больше отъ врачей, чѣмъ отъ болѣзней“.

Гиртль: „Въ теченіе столѣтій медицина переживала всякія знаменія и находила лѣкарственныя средства, но не открыла ни одной единственной истины, ни одного жизненнаго закона. Бездоказательная вѣра налагала на ея господство печать бесплодія, а инстинктъ мыслителей приводилъ только къ безъосновательнымъ и безсодержательнымъ теоріямъ; и даже теперь она не перестала быть тѣмъ же, чѣмъ она была съ самаго начала, а именно, не безъ усердія собранною по кусочкамъ и простосердечно исповѣдуемую системою условныхъ заблужденій“.

Эстерленъ: „Мы находимъ въ фармакологіи и терапіи до сего дня такое собраніе лживыхъ и противорѣчивыхъ заключеній, какъ ни въ одной другой специальности; то, чему онѣ учатъ, есть большею частью чело-вѣческое издѣліе и представляется скорѣе вымысломъ, чѣмъ наукою или дѣйствительнымъ опытомъ“.

Вундерлихъ: „Доказательства, что вся до сего времени существующая фармакологія основана на заблужденіяхъ, могутъ быть легко приведены изъ каждаго класса медикаментовъ“.

Онъ же формулируетъ главный недостатокъ медицины 18-го и начала 19-го вѣка въ томъ, что вмѣсто наблюденій мы въ ней встрѣчаемъ лишь бѣглыя замѣчанія, вмѣсто доказательныхъ положеній—личныя мнѣнія, вмѣсто разсудительныхъ выводовъ—догматическія правила, вмѣсто изображенія механизма дѣйствія—безполезныя опредѣленія и

обычныя категоріи. Игра словъ и фантазіи встрѣчаются на каждомъ шагу, и медицинскія книги и руководства переполнены противорѣчiami, непослѣдовательностью и эксцентричностью.

Ганеманъ, подобно лучшимъ врачамъ во всѣ вѣка, сознавалъ всю негодность медицины и въ 1808 г. говорилъ: „Нужно же, наконецъ, громко и открыто сказать, и да будетъ же громко и откровенно сказано передъ цѣлымъ свѣтомъ: наше медицинское искусство требуетъ полнаго преобразования съ головы до ногъ. Все, что не нужно, — дѣлается, а что самое существенное, то совершенно просматривается. Зло стало такъ велико, что добродушная мягкость Юганна Гусса больше не поможетъ, и только пламенное усердіе твердаго, какъ скала, Мартина Лютера, можетъ вымести необычайный соръ“.

Произнося эти слова, онъ, быть можетъ, самъ еще не сознавалъ, что ему суждено было совершить въ исторіи медицины такой же переворотъ, какой совершилъ Мартинъ Лютеръ въ исторіи культуры человѣчества.

Домъ въ Мейссенѣ, гдѣ родился Ганеманъ.
(Съ фотографіи, снятой въ 1895 г.).

II.

Христіанъ Фридрихъ Самуиль Ганеманъ родился 10 апрѣля 1755 г., въ Саксоніи, въ небольшомъ городѣ Мейсенѣ, гдѣ отецъ его, живописецъ по фарфору, съ трудомъ зарабатывалъ средства къ существованію. Съ годами ничтожный его заработокъ становился все болѣе недостаточнымъ для пропитанія себя, жены и десяти человѣкъ дѣтей, объ удовлетворительномъ образованіи которыхъ нечего было и думать. Поэтому старшій сынъ, Самуиль, помѣщенный сначала въ городскую школу, былъ взятъ отцомъ обратно домой съ тѣмъ, чтобы онъ занялся изученіемъ его собственнаго ремесла. Но естественныя наклонности мальчика влекли его къ наукамъ; онъ по ночамъ просиживалъ надъ книгами, при слабомъ освѣщеніи собственноручно имъ сдѣланной лампочки, и все просился въ школу. Учителя его, замѣтивши способности его и усердіе къ ученію, также не переставали убѣждать отца, чтобы онъ не препятствовалъ сыну слѣдовать своимъ природнымъ влеченіямъ. Уступая просьбамъ сына и настояніямъ учителей, отецъ, наконецъ, рѣшился помѣстить мальчика въ школу (*Fürstenschule*); и къ чести начальства нужно сказать, что они въ теченіе его 8-ми лѣтняго пребыванія въ школѣ совершенно избавили его отъ платы, доставляли ему всякія пособія и любили его, какъ собственнаго сына. Мальчикъ учился настолько прилежно и успѣшно, что на 12-мъ году его жизни директоръ школы Мюллеръ

возложилъ на него обязанность готовить другихъ учениковъ въ начальныхъ основаніяхъ греческаго языка; а кончая школу, онъ уже не только обладалъ превосходнымъ знаніемъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ языковъ, но былъ также знакомъ и съ древне-еврейскимъ. При выпускѣ онъ написалъ сочиненіе на собственно имъ избранную тему: „Объ удивительномъ строеніи человѣческой руки“, обнаруживъ такимъ образомъ уже тогда свое влеченіе къ естественнымъ наукамъ. Вообще, первоначальная школа оказала на мальчика весьма благотѣльное вліяніе, которое потомъ отразилось на послѣдующихъ его занятіяхъ.

Въ 1775 г. онъ отправился въ Лейпцигъ для изученія медицины, получивши отъ отца на дорогу 20 талеровъ, послѣднія деньги, полученныя имъ изъ дому. Благодаря посредничеству одного Мейссенскаго врача, д-ра Пёрнера, онъ былъ избавленъ отъ платы за слушаніе лекцій, а насущный хлѣбъ онъ зарабатывалъ себѣ уроками нѣмецкаго и французскаго языка и переводами съ англійскаго. Жизнь давалась ему не легко, и часто приходилось знаваться съ нуждою и лишениями. Свободной и безпечной студенческой жизни онъ никогда не испытывалъ; дни проходили въ слушаніи лекцій и въ урокахъ, а ночи—въ литературныхъ занятіяхъ и переводахъ. Въ 1777 г. онъ перебрался въ Вѣну для изученія практической медицины, такъ какъ въ Лейпцигѣ въ то время еще клиникъ не было. Тутъ онъ усердно посѣщалъ госпиталь братьевъ милосердія въ Леопольдштадтѣ и былъ ревностнымъ ученикомъ лейбъ-медика фонъ Кварина, который полюбилъ Ганемана, оцѣнилъ его способности и знанія и выдѣлялъ его изъ всѣхъ своихъ учениковъ тѣмъ, что особенно охотно занимался его преподаваніемъ и даже бралъ съ собою на частную практику въ городѣ. Ганеманъ послѣ всегда вспоминалъ о своемъ учителѣ съ уваженіемъ и благодарностью. Однако, и въ Вѣнѣ средства къ существованію были такъ же скудны, какъ и въ Лейпцигѣ. Поэтому Ганеманъ, благодаря теплой рекомендаціи фонъ Кварина, принялъ выгодное предложеніе губернатора Трансильваніи Барона Брукенталя поступить къ нему домашнимъ врачомъ и бібліотекаремъ въ Германштадтѣ. Здѣсь онъ пробылъ два года, занимаясь медицинскою практикою и по временамъ разъѣзжая съ губернато-

ромъ по Нижней Венгріи, гдѣ онъ имѣлъ случай наблюдать разнообразныя формы злокачественныхъ лихорадокъ и ихъ послѣдствій. Въ свободное время онъ изучалъ химію и горное дѣло, а также совершенствовался въ новыхъ и старыхъ языкахъ. Потомъ, для окончанія своего медицинскаго образованія, онъ переѣхалъ въ Эрлангенъ, гдѣ жизнь была дешевле, чѣмъ въ большихъ городахъ, слушалъ лекціи Делюса, Изенфламма, Шребера и Вендта, которымъ онъ, по собственнымъ словамъ, остался много обязанъ за пріобрѣтенныя отъ нихъ знанія, и 10 августа 1779 г. защитилъ здѣсь на латинскомъ языкѣ свою диссертацию о судорожныхъ заболѣваніяхъ, подъ названіемъ „*Conspectus affectuum spasmodicorum aetiologicus et therapeuticus*“. Изъ Эрлангена Ганеманъ почувствовалъ желаніе вернуться на родину, и прожилъ $\frac{3}{4}$ года въ Гетштедтѣ, потомъ въ Дессау, а въ 1781 г. получилъ мѣсто уѣзднаго врача въ Гоммернѣ. 1 декабря 1783 г. онъ вступилъ въ бракъ съ Генріэттою Кюхлеръ, падчерицею Дессаускаго аптекаря, а въ 1784 г. переселился въ Дрезденъ. Здѣсь онъ пріобрѣлъ себѣ дружбу и уваженіе городского д-ра Вагнера, который съ большимъ довѣріемъ относился къ уму и познаніямъ Ганемана и, по случаю своей болѣзни, передалъ ему всѣ городскія больницы, которыми Ганеманъ завѣдывалъ въ теченіе больше года, занимая такимъ образомъ видное положеніе въ городѣ и пріобрѣтая все болѣе опытъ въ практической медицинѣ. Кромѣ того, онъ продолжалъ свои научныя, преимущественно химическія, и литературныя занятія, причемъ большимъ пособіемъ для него явилась возможность пользоваться дворцовой библіотекою курфюрста, благодаря содѣйствію лингвиста Аделунга и библіотекаря Доссдорфа. Но для того, чтобы быть ближе къ источнику науки, онъ въ 1789 г. переѣхалъ въ Лейпцигъ.

Въ это время онъ уже пользовался во всей Германіи репутаціею одного изъ лучшихъ ученыхъ и врачей, имя котораго всюду пользовалось уваженіемъ и служило лучшимъ украшеніемъ извѣстныхъ „*химическихъ Анналовъ*“ Крелля. Уже одни переводы его съ французскаго, англійскаго и итальянскаго выдающихся химическихъ и медицинскихъ сочиненій представляли настоящій вкладъ въ науку, потому что онъ не ограничивался простою передачею этихъ

работъ съ чужаго языка на нѣмецкій, но дополняли ихъ собственными, весьма цѣнными, примѣчаніями и самостоятельными изслѣдованіями, въ числѣ которыхъ было уже много интереснѣйшихъ открытій. Что же касается его оригинальныхъ работъ, то онѣ имѣли еще большее значеніе. Его работа „объ отравленіи мышьякомъ“ считалась классическою въ своемъ родѣ и до сей поры не потеряла своего значенія; предложенные имъ способы изслѣдованія винъ во всей Германіи назывались „Ганемановскими винными пробами“; его препаратъ чистой азотнокислой закиси ртути до сихъ поръ носить его имя „Mercurius solubilis Hahnemanni.“ Точностью и основательностью своихъ химическихъ работъ онъ приобрѣлъ себѣ почтенную репутацію первокласнаго химика, что признавали его собственные коллеги по специальности, лучшіе химики того времени Берцелиусъ, Троммдорфъ и др. Изъ медицинскихъ его работъ до сей поры наиболѣе выдающіяся были: *„Наставленіе основательно излѣчивать старыя поврежденія и гнилыя язвы“* 1784 г. и *„Руководство для врачей къ венерическимъ болѣзнямъ“* 1789 г. Но медицинская практика не приходилась по вкусу нашему ученому; онъ видѣлъ весь ея вредъ и уже въ это время порицалъ обычай неумѣренныхъ кровопусканій, приведшій къ смерти императора Леопольда. Критика Ганемана, конечно, вызвала неудовольствіе лейбъ-медиковъ и приверженцевъ кровопусканія, но была признана справедливою менѣе заинтересованными учеными. Позднѣе Ганеманъ неоднократно и сильно возставалъ противъ кровопусканій, и сила его доводовъ весьма значительно повліяла на постепенное охлажденіе врачей къ этому способу лѣченія. Въ письмѣ къ своему другу Гуфеланду (1808 г.) Ганеманъ говоритъ, что онъ въ теченіе 8-ми лѣтней практики совершенно разочаровался въ медицинскомъ искусствѣ и достаточно насмотрѣлся, къ какому печальному результату приводятъ системы Сиденгама, Гофмана, Бѣргава, Гаубіуса, Штолля, Келлена, Кварина и пр. „Меня укоряла совѣсть лѣчить неизвѣстныя болѣзненныя состоянія моихъ страждущихъ собратьевъ этими неизвѣстными лѣкарствами, которыя, какъ сильно дѣйствующія средства, если они не точно подобраны (а какъ можетъ врачъ ихъ подобрать, разъ еще не изслѣдованы присущія имъ специальныя дѣйствія), легко превращаютъ жизнь въ смерть или вызываютъ новыя стра-

данія и хроническіе недуги, которые часто труднѣе устранимы, чѣмъ первоначальная болѣзнь. Такимъ образомъ мысль сдѣлаться убійцею или виновникомъ ухудшенія жизни моихъ ближнихъ была для меня ужасна, на столько ужасна и тревожна для моего покоя, что я въ первые годы моего супружества совершенно покинулъ практику и почти никого больше медицински не лѣчилъ, чтобы ему еще больше не вредить, и,—какъ Вы знаете,—заялся только химіею и литературою.“

Въ Лейпцигѣ онъ пробылъ до 1792 г., весь погруженный въ свои ученые труды. Здѣсь онъ, между прочимъ, перевелъ въ 1790 г. „*Лѣкарствовѣдѣніе*“ Кёллена,—работа, имѣвшая несомнѣнное значеніе на всю его послѣдующую карьеру, потому что, желая провѣрить мнѣніе Кёллена относительно дѣйствія хинной корки, онъ рѣшился испытать ее на самомъ себѣ и открылъ, что она вызываетъ особаго рода лихорадку. Этотъ фактъ навелъ его на размышленіе, не отъ того ли хина излѣчиваетъ перемежающуюся лихорадку, что она имѣетъ способность вызывать другую искусственную, но болѣе или менѣе сходную лихорадку, и не въ этомъ ли заключается специфичность всѣхъ лѣкарственныхъ веществъ, что они въ состояніи производить у здоровыхъ болѣзненные состоянія, подобныя тѣмъ, какія они излѣчиваютъ у больныхъ, т. е., на основаніи того соотношенія между болѣзнью и лѣкарствомъ, которое онъ позже окрестилъ подъ именемъ „гомеопатическаго“. Глубокое размышленіе надъ этимъ вопросомъ и усердное изученіе въ теченіе блѣтъ древней и новой литературы, съ цѣлью прослѣдить слѣды этого (гомеопатическаго) принципа у древнихъ авторовъ и позднѣйшихъ писателей, привели его къ болѣе зрѣлому убѣжденію, что въ корнѣ всякаго дѣйствительнаго радикальнаго излѣченія посредствомъ лѣкарствъ лежитъ принципъ *similia similibus curantur*, и результатъ этой шестилѣтней умственной работы онъ опубликовалъ въ 1796 г. въ журналѣ Гуфеланда, въ замѣчательной статьѣ, подъ заглавіемъ: „*Опытъ новаго принципа для отысканія цѣлительныхъ силъ лѣкарственныхъ веществъ*“. Тутъ онъ усердно обращаетъ вниманіе своихъ товарищей, что для сознательнаго лѣченія каждой, но особливо хронической болѣзни, существуетъ въ природѣ способъ нахождения подходящаго для даннаго слу-

чая специфическаго средства на слѣдующихъ разумныхъ основаніяхъ: „Каждое вліятельное лѣкарственное средство возбуждаетъ въ человѣческомъ тѣлѣ извѣстный видъ собственной болѣзни, которая тѣмъ своеобразіе, опредѣленнѣе и сильнѣе, чѣмъ сильнѣе лѣкарство. Нужно подражать природѣ, которая иногда излѣчиваетъ хроническую болѣзнь посредствомъ присоединяющейся къ ней другой, и нужно примѣнять къ подлежащей излѣченію (преимущественно хронической) болѣзни то лѣкарственное вещество, которое въ состояніи возбудить другую, наивозможно сходную, искусственную болѣзнь, и первая будетъ излѣчена; *similia similibus*“. Это было его первое провозглашеніе гомеопатическаго принципа, хотя слово это еще не было произнесено. По мѣрѣ болѣе глубокаго вдумыванія въ эту идею и осторожнаго примѣненія изучаемаго принципа къ дѣлу, Ганеманъ, въ своихъ поискахъ за терапевтическою истиною, все болѣе крѣпнулъ въ убѣжденіи, что онъ попалъ на вѣрный слѣдъ, и постепенно закалялся въ сознаніи подъ собою той твердой почвы, отсутствіе которой прежде повергало его пылливый духъ въ отчаяніе и недовѣріе къ себѣ. Онъ снова возвратился къ медицинской практикѣ, и новая система, уже прочно зародившаяся въ его головѣ, приносила ему съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе успѣшныя результаты. „Удовлетвореніе, испытываемое мною, отъ этого метода лѣченія“, писалъ онъ Гуфеланду, „я не примѣнялъ бы ни на какое изъ славнѣйшихъ благъ земныхъ“. — Но нравственное удовлетвореніе, къ сожалѣнію, не всегда идетъ рука объ руку съ матеріальнымъ довольствомъ. Жизнь все еще не улыбалась Ганеману. Покинувъ практику и углубившись въ ученые и литературные труды, онъ, конечно, лишился извѣстнаго заработка, а семья тѣмъ временемъ увеличивалась и онъ въ это время былъ уже отцомъ пяти дѣтей, четырехъ дочерей и одного сына, которыхъ нужно было кормить и воспитывать. Нужда, лишенія и заботы о семейномъ очагѣ давали себя знать ежечасно, но не заглушали въ немъ чувства любви и состраданія къ ближнимъ. Въ это время царствующій герцогъ Готскій былъ Эрнстъ II, котораго Ганеманъ называетъ „истиннымъ нѣмецкимъ отцомъ своего народа“. Ганеманъ обратилъ его вниманіе на несчастное положеніе душевно-больныхъ, которыхъ прежде

повсемѣстно содержали, какъ животныхъ, и, вмѣсто лѣченія, подвергали всевозможнымъ пыткамъ и тѣлеснымъ наказаніямъ, притомъ не только въ ихъ обыденной житейской обстановкѣ, но въ такой же мѣрѣ въ больницахъ и госпиталяхъ. Онъ предложилъ герцогу устроить заведеніе для смягченія участи этихъ несчастныхъ, на что герцогъ согласился и отдалъ въ распоряженіе Ганемана свой охотничій павильонъ въ Георгенталѣ, предоставивъ ему сдѣлать въ немъ всѣ необходимыя приспособленія. Переѣхавши сюда въ 1792 г., Ганеманъ въ іюнѣ того же года, въ числѣ другихъ больныхъ, принялъ въ свое заведеніе извѣстнаго ученаго и писателя гановерскаго министра Клокенбринга, страдавшаго маниакальнымъ умопомѣшательствомъ, и въ мартѣ 1793 г. выпустилъ его совершенно излѣченнымъ. Изъ исторіи его болѣзни, графически описанной Ганеманомъ въ 1796 г., видно, что онъ былъ одинъ изъ первыхъ въ Европѣ пионеровъ мягкаго и гуманнаго обращенія съ душевно-больными, во всякомъ случаѣ первый въ Германіи. „Я никогда не наказываю“, пишетъ Ганеманъ, „ни одного душевно-больнаго ударами или другими болѣзненными тѣлесными истязаніями, потому что для невмѣняемости не существуетъ никакого наказанія, и потому что эти больные заслуживаютъ лишь состраданія; посредствомъ же такого грубаго обращенія состояніе ихъ всегда ухудшается и никогда не улучшается... Врачъ этихъ несчастныхъ въ своемъ обращеніи долженъ внушать имъ уваженіе, а также довѣріе; онъ никогда не долженъ чувствовать себя оскорбленнымъ ими, потому что помѣшанный не можетъ оскорбить. Взрывъ ихъ неосновательнаго гнѣва долженъ лишь вызывать его сочувствіе къ ихъ отчаянному положенію и возбуждать его человѣколюбіе, съ цѣлью помочь имъ“. Во всякомъ случаѣ, достойно замѣчанія интересное совпаденіе, что въ томъ же 1792 г., когда Пинель сдѣлалъ первый опытъ снятія оковъ и цѣпей съ помѣшанныхъ въ Бисетрѣ, Ганеманъ примѣнялъ уже тотъ же благодѣтельный принципъ (No-Restraint) въ своемъ заведеніи и съ такимъ успѣхомъ, который произвелъ извѣстную сенсацию въ Германіи. Поэтому онъ, по всей справедливости, долженъ раздѣлять съ Пинелемъ заслугу облегченія участи душевно-больныхъ. Англійскій же врачъ Конолли, котораго обыкновенно называютъ вслѣдъ за Пинелемъ,

какъ благодѣтеля помѣшанныхъ, еще и не родился въ то время, когда Ганеманъ лѣчилъ больного Клокенбринга. Онъ родился въ 1796 г., въ тотъ самый годъ, когда Ганеманъ описывалъ свой способъ обращенія съ помѣшанными и настаивалъ на необходимости освобожденія ихъ отъ всякихъ мѣръ насилія и жестокости. Къ сожалѣнiю, герцогу вскорѣ понадобился его павильонъ для другихъ цѣлей, и Ганеманъ переѣхалъ сначала въ Мольтшлебенъ близъ Готы, потомъ въ 1794 г. въ Пирмонтъ и Брауншвейгъ, въ 1795 г. въ Вольфенбюттель, а въ 1797 г. въ Кёнигслюттеръ. Въ теченiе этого времени онъ составилъ „*Аптекарска́й Лексиконъ*“, объемистое оригинальное сочиненiе въ 1280 страницъ, выходявшее отдѣльными выпусками и доставившее Ганеману славу выдающагося авторитета по фармацiи, и опубликовалъ въ журналѣ Гуфеланда нѣсколько медицинскихъ статей о необходимости возрожденiя медицины, статей, полныхъ достоинства и проникнутыхъ усерднымъ желанiемъ содѣйствовать необходимому улучшенiю медицинскаго искусства. Но взгляды его не находили себѣ, за немногими исключенiями, сочувственнаго отголоска среди товарищей по профессiи. Мысли его были слишкомъ новы и смѣлы, а требованiе простыхъ предписанiй, изгнанiя невозможныхъ многосмѣшней и уменьшенiя громадности общеупотребительныхъ лѣкарственныхъ прiемовъ были слишкомъ преждевременны и рѣшительно противорѣчили всѣмъ традицiямъ медицинско́й практики, нанося вмѣстѣ съ тѣмъ чувствительный ущербъ интересамъ аптекарей, такъ какъ распространенiе такой практической системы грозило бы значительнымъ уменьшенiемъ оборотовъ аптекъ. Рецепты его, состоявшiе теперь изъ одного простаго средства въ самомъ небольшомъ прiемѣ, поднимали желчь и насмѣшки аптекарей; а когда онъ вскорѣ увидѣлъ невозможность довѣрять аптекарямъ свои предписанiя и ставить здоровье своихъ пациентовъ въ зависимость отъ ихъ недоброжелательности, то ему остался одинъ исходъ — самому отпускать свои лѣкарства и притомъ, во избѣжанiе нареканiй, — безвозмездно. Между тѣмъ практика его стала разрастаться и успѣхи его возбуждали зависть товарищей - врачей. Подстрекаемые ими аптекаря возбуждали преслѣдованiе противъ него за посягательство на ихъ законныя права и нарушенiе

имъ ихъ привилегій. Тщетно онъ, въ свое оправданіе, старался разъяснить какъ букву, такъ и духъ закона, регулирующаго аптекарскую часть, указывая, что ихъ привилегіи относятся только къ приготовленію сложныхъ смѣсей, и что каждый врачъ имѣеть право отпускать свои собственныя лѣкарства, а тѣмъ болѣе безвозмездно. Оппозиція сильной и вліятельной касты, движимой чувствомъ самосохраненія, была не подъ силу одному человѣку. Конечно, если бы онъ согласился на извѣстныя уступки аптекарямъ и захотѣлъ бы пожертвовать интересами своихъ пациентовъ въ пользу своего личнаго спокойствія и матеріальнаго обезпеченія, то для него могло бы уладиться весьма сносное существованіе. Но не такого закала онъ былъ человѣкъ, чтобы пойти на сдѣлку со своею совѣстью; и къ сожалѣнію жителей, успѣвшихъ уже полюбить и оцѣнить Ганемана, онъ вынужденъ былъ покинуть Кёнигслюттеръ въ 1799 г.

Уложивши всѣ свои пожитки и семью въ большой фургонъ, онъ направился въ Гамбургъ. Но по дорогѣ приключилось несчастье: при спускѣ съ крутой горы возница былъ выброшенъ вонъ, а лошади понесли; фургонъ опрокинулся; младшій сынъ его подвергнулся при этомъ столь сильнымъ поврежденіямъ, что вскорѣ умеръ; дочь его получила переломъ ноги, а онъ самъ—тяжелые ушибы; остальные члены семьи отдѣлались испугомъ, а большая часть движимости пострадала или погибла на днѣ рѣки, протекавшей внизу крутизны. Состояніе здоровья дочери и необходимость строгаго ухода за ея сломанной ногой заставили его прожить 6 недѣль въ ближайшей деревушкѣ; и можно себѣ представить, сколько горечи и желчи накопѣло въ душѣ Ганемана, вслѣдствіе такого незаслуженнаго и злополучнаго изгнанія какъ разъ въ то время, когда ему блеснуло счастье и начало устраиваться его благостояніе. Обреченный на новую неизвѣстность, онъ двинулся въ путь. Но жизнь въ Гамбургѣ не пришлась ему по вкусу; онъ переѣхалъ въ Альтону, а послѣ опять на родину въ Эйленбургъ. Но тутъ онъ опять встрѣтилъ преслѣдованіе со стороны городского врача, который выжилъ его вонъ и заставилъ искать новаго мѣстожительства, сначала въ Махернѣ, послѣ въ Виттенбергѣ и Дессау, гдѣ онъ прожилъ два года; потомъ въ 1806 г. онъ переѣхалъ въ Торгау, а отсюда въ 1811 г. въ Лейпцигъ.

При всѣхъ своихъ вынужденныхъ странствованіяхъ Ганеманъ не переставалъ работать для науки и развивать свою завѣтную мысль о необходимости реформировать всю медицину. Но враждебность отношеній къ нему со стороны врачей обострилась еще больше, въ силу слѣдующаго обстоятельства, на которомъ мы должны немного остановиться.

Въ послѣдній годъ своего пребыванія въ Кёнигслюттерѣ онъ былъ свидѣтелемъ жестокой эпидеміи scarlatины и сдѣлалъ счастливое открытіе *предохраняющаго средства противъ scarlatины*. Вотъ какъ онъ самъ рассказываетъ о своемъ открытіи. Мать многихъ дѣтей заказала себѣ новое одѣяло и, получивши его, не знала, что въ тѣсной комнаткѣ швеи, работавшей надъ этимъ одѣяломъ, находился ребенокъ, только что перенесшій scarlatину. Недѣлю спустя послѣ получения этого одѣяла, мать заболѣваетъ тяжелою жабою, а черезъ нѣсколько дней заболѣваетъ и десятилѣтняя дочь сначала общими симптомами—тяжестью въ животѣ, зудомъ всего тѣла и головы, съ ознобомъ въ головѣ и рукахъ и разслабленнымъ одеревянѣніемъ въ сочлененіяхъ. Ночью сонъ былъ очень безпокоенъ съ ужасающими сновидѣніями и потѣніемъ всего тѣла, кромѣ головы. На слѣдующее утро, когда ее увидѣлъ Ганеманъ, у нея была давящая головная боль, потемнѣніе передъ глазами, обложенный языкъ, умѣренное слюнотеченіе, твердые, припухшія, отъ прикосновенія болѣзненные подчелюстные желѣзы, колющія боли въ горлѣ при глотаніи, а также и помимо. Жажды у нея не было; но у нея былъ скорый и малый пульсъ, дыханіе короткое и тревожное и, хотя она была очень блѣдна, но уже нѣсколько горяча на ошупь и жаловалась въ то же время на ознобъ въ лицѣ и волосистой части головы и на колотье въ животѣ, которое она чувствовала хуже всего при вытягиваніи и перегибаніи туловища назадъ, вслѣдствіе чего она сидѣла согнувшись нѣсколько впередъ, съ выраженіемъ самой унылой робости на лицѣ и избѣгала всякаго разговора. Ея взглядъ былъ мутенъ и неподвиженъ съ чрезмѣрно раскрытыми вѣками; лицо блѣдное и осунувшееся. „Я слишкомъ хорошо зналъ“, говоритъ Ганеманъ, „что общепотребительныя любимыя средства, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, такъ и при scarlatinѣ, въ наилучшемъ случаѣ оставляютъ болѣзнь безъ перемѣны, а поэтому

рѣшился въ этомъ случаѣ быстро развивающейся скарлатины дѣйствовать не на основаніи отдѣльныхъ симптомовъ, какъ обыкновенно, но на основаніи моего новаго синтетическаго принципа по возможности подыскать такое средство, которое въ своемъ специальномъ образѣ дѣйствія само по себѣ было бы въ состояніи вызвать въ здоровомъ тѣлѣ наибольшее число тѣхъ болѣзненныхъ симптомовъ, *совокупность* которыхъ я встрѣтилъ въ этой болѣзни. Въ моей памяти и въ моемъ письменномъ собраніи характерныхъ дѣйствій нѣкоторыхъ лѣкарственныхъ средствъ, я не нашелъ ни одного, которое было бы въ состояніи въ большей степени воспроизвести подобіе и само по себѣ вызвать такое количество наличныхъ здѣсь симптомовъ, какъ *белладонна*. Она одна могла удовлетворять большинству показаній этой болѣзни, потому что, по моимъ наблюденіямъ, она сама по себѣ въ своемъ первичномъ дѣйствіи вызываетъ у здоровыхъ людей тихую унылую робость, мутный неподвижный (тупой) взглядъ съ чрезмѣрно раскрытыми вѣками, потемнѣніе въ глазахъ, холодъ и блѣдность лица, отсутствіе жажды, очень малый и скорый пульсъ, расслабленную неподвижность въ членахъ, затрудненное глотаніе съ колющею болью въ околушной железѣ, давящую головную боль, стягивающія боли въ животѣ, которыя во всякомъ иномъ положеніи, кромѣ согнутаго, дѣлаются невыносимы, холодъ и жаръ отдѣльныхъ частей съ изытіемъ другихъ, напримѣръ только одной головы или рукъ и т. д. Если, думалъ я, скарлатина дѣйствительно тутъ имѣетъ разыгратъ, какъ я долженъ былъ допустить съ наибольшею вѣроятностью, то и свойственныя этому растенію позднѣйшія дѣйствія,—способность ея вызывать лихорадку (*synochus*) съ рожистыми пятнами на кожѣ, сонливость, опухшее горячее лицо и т. д.,—должны были быть также въ высшей степени подходящи къ вполнѣ развившейся скарлатинѣ. Поэтому я далъ этой десятилѣтней дѣвочкѣ, одержимой уже первыми симптомами скарлатины, одинъ пріемъ этого растенія ($\frac{1}{4}$ и $\frac{2}{1000}$ грана экстракта, — по моимъ позднѣйшимъ наблюденіямъ нѣсколько слишкомъ большой пріемъ). Она спокойно просидѣла цѣлый день, не ложась вовсе; жаръ ея сталъ менѣе замѣтенъ; она пила мало; ни одинъ изъ ея прочихъ симптомовъ не усилился въ этотъ день, и никакихъ новыхъ не прибавилось. Она про-

спала ночь довольно спокойно, и на слѣдующее утро, 20 часовъ спустя послѣ принятія лѣкарства, большинство симптомовъ исчезло безъ всякаго кризиса, только боль горла продержалась, хотя и въ меньшей степени, до вечера, послѣ чего и она исчезла. На другой день она была весела, ѣла и опять играла и ни на что не жаловалась. Я далъ ей еще одинъ приемъ и она выздоровѣла, — совершенно выздоровѣла, — между тѣмъ, какъ въ это время, безъ моего вѣдома, уже заболѣли злокачественною скарлатиною двое другихъ дѣтей этой семьи, которыхъ я теперь могъ лѣчить только по моему обыкновенному, раньше описанному способу; моей выздоравливающей я давалъ каждые три четыре дня по еще меньшему приему белладонны; и она осталась здорова. Тогда я отъ всей души пожелалъ, по возможности, сохранить отъ зараженія остальныхъ пятерыхъ дѣтей. Удаленіе ихъ было невозможно и слишкомъ поздно. Я разсуждалъ такъ: средство, способное быстро остановить начало болѣзни, должно быть ея лучшимъ предохранительнымъ, и правильность такого заключенія подтверждалъ для меня слѣдующій случай. Нѣсколько недѣль передъ тѣмъ трое дѣтей другой семьи заболѣли очень тяжелою скарлатиною; только одна старшая дочь, принимавшая до тѣхъ поръ белладонну внутрь изъ за другого наружнаго страданія сочлененій пальцевъ, только она одна, къ удивленію моему, не получила скарлатины, несмотря на то, что во время другихъ, распространенныхъ въ народѣ, заболѣваній она всегда заболѣвала первая. Этотъ случай подтверждалъ мою мысль до очевидности. Поэтому я не замедлилъ дать это божественное средство въ очень маленькомъ приемѣ, какъ предохранительное, остальнымъ пяти дѣтямъ той же многочисленной семьи, и такъ какъ своеобразное дѣйствіе этого растенія держится не болѣе трехъ полныхъ дней, то я повторялъ этотъ приемъ черезъ каждые 72 часа, и всѣ они, въ теченіе всей эпидеміи и находясь въ самыхъ заразительныхъ скарлатинныхъ испареніяхъ своихъ еще больныхъ сестеръ, остались здоровы и безъ малѣйшихъ болѣзненныхъ симптомовъ. — Въ это же время я былъ позванъ въ другую семью, гдѣ старшій сынъ заболѣлъ скарлатиною. Но я нашелъ его уже въ разгарѣ жара и съ сыпью на груди и на рукахъ. Онъ лежалъ тяжело больнымъ и поэтому было уже поздно дать ему специфиче-

ское предохранительное средство. Но я хотѣлъ предохранить отъ этой злокачественной болѣзни остальныхъ трехъ дѣтей. Родители повиновались, давали каждому изъ нихъ каждые три дня нужное количество белладонны и имѣли утѣшеніе сохранить этихъ трехъ дѣтей отъ заразной болѣзни и отъ всѣхъ ея проявленій, несмотря на то, что они находились въ свободномъ сношеніи съ больнымъ братомъ. Такимъ же образомъ мнѣ представилось еще много случаевъ, въ которыхъ это специфическое средство ни разу не дало неудачи.“

Сдѣлавши это счастливое открытіе, Ганеманъ имѣлъ самое искреннее желаніе передать его на провѣрку и испытаніе своихъ товарищей. Но какъ? Его новаторскія тенденціи были такъ несимпатичны большинству, что онъ, во избѣжаніе личныхъ нареканій, предпочиталъ и теперь и позже, во многихъ случаяхъ, публиковать свои статьи анонимно, въ чемъ онъ встрѣчалъ одобреніе самого Гуфеланда. Такъ, напримѣръ, помѣщая въ своемъ журналѣ (5 т. 1801) *анонимную* критику Ганемана на общераспространенную въ то время систему Джона Броуна, Гуфеландъ дѣлаетъ свое редакціонное примѣчаніе, что эта статья представляетъ „безпристрастное сужденіе одного изъ превосходнѣйшихъ врачей Германіи, зрѣлаго опытомъ и размышленіемъ, но не желающаго назвать свое имя, пока—по его собственному выраженію—*литературная междоусобица* (chouanerie) *угрожаетъ еще опасностью большимъ дорогамъ*, что, по моему мнѣнію, очень хорошо во всѣхъ вопросахъ, гдѣ рѣшающій голосъ имѣютъ доказательства, а не авторитеты именъ“. Ганеманъ испыталъ уже всю горечь завистливости своихъ сотоварищей и вотъ его слова: „Какъ только я, послѣ 20-ти лѣтняго подготовленія и послѣ многолѣтняго пифагорейскаго молчанія, выступилъ передъ врачами съ тѣмъ, чтобы нѣсколько содѣйствовать то тутъ, то тамъ улучшенію нашего искусства, тотчасъ же я былъ выхваченъ изъ круга моего спокойствія и брошенъ въ толпу товарищей по искусству, которые (за немногими исключеніями) ни на что не взираютъ безпристрастно; меня стали поносить... Правда, истина пробивается черезъ самый густой туманъ предразсудковъ, но слишкомъ продолжительная борьба противоположныхъ элементовъ производитъ отталкивающее и неутѣшительное впе-

чатлѣніе. Такъ, напримѣръ, вслѣдствіе моего открытія наилучшаго анти-венерическаго лѣкарственнаго средства, растворимой ртути, я былъ сначала самымъ низкимъ образомъ озлословленъ въ извѣстномъ по своей задорливости журналѣ, а также и съ другихъ сторонъ; но черезъ нѣсколько лѣтъ общій опытъ Европы снялъ клеймо съ этого лѣкарства и по достоинству оцѣнилъ открытіе, которое я безкорыстно передалъ на благо человѣчества, чтобы искупить смерть тѣхъ тысячей, которыя въ буквальномъ смыслѣ были разрушены злоупотребленіемъ слабо-антивенерическаго препарата разъѣдающей ртути. Тоже самое случилось (чтобы обойти молчаніемъ дурной пріемъ другихъ полезныхъ истинъ), когда я позже опять былъ оклеветанъ въ той же бранливой газетѣ за мой *новый принципъ*, который служитъ руководителемъ къ изученію болѣзней съ такой точки зрѣнія, которая *почти безошибочно* указываетъ на подходящее лѣкарство для каждаго случая и учитъ на основаніи положительнаго дѣйствія лѣкарства находить тѣ болѣзни, противъ которыхъ эти лѣкарства должны оказаться цѣлительными. Но такъ какъ эта система совершенно отличалась отъ ходячей и была такъ проста, безыскусственна и (нарочито) свободна отъ священныхъ арабесокъ ученаго языка школы, то она произвела мало впечатлѣнія и не удостоилась обработки со стороны нѣмецкихъ врачей, но была сдана въ архивъ".—При такихъ условіяхъ Ганеманъ боялся, что если бы онъ прямо сообщилъ медицинскому міру объ открытіи имъ предохранительнаго средства противъ скарлатины, и что это средство ничто иное какъ белладонна въ малыхъ пріемахъ, между тѣмъ какъ въ большихъ пріемахъ она сама вызываетъ болѣзнь, сходную съ скарлатиной, то такое сообщеніе раздѣлило бы участь его прежнихъ открытій. Поэтому онъ рѣшился испытать слѣдующій способъ. Онъ открылъ подписку на свое сочиненіе, въ которомъ обѣщаль дать описаніе своего способа предохраненія и лѣченія скарлатины, если соберется не меньше 300 подписчиковъ. Подписчики же должны были между тѣмъ предварительно получить отъ него порцію этого предохранительнаго средства съ просьбою подвергнуть его безпристрастному испытанію и опубликовать свои результаты, каковы бы они ни были, во всеобщее свѣдѣніе. Но тутъ на него посыпались обви-

ненія въ корыстолюбїи и эгоистической эксплуатаціи своихъ открытїй; подписчиковъ явилось гораздо меньше требуемаго числа; изъ числа же подписавшихся только двое сообщили о своихъ опытахъ, остальные отвергли его безъ испытанїя и прилагали всяческіе старанїя, чтобы оно не подверглось испытанїю со стороны публики. Одинъ врачъ предложилъ назначить Ганеману пожизненную пенсію съ тѣмъ, чтобы онъ никогда не писалъ такихъ глупостей; и на его голову обрушились всевозможныя другїя инсинуаціи. Тогда Ганеманъ, увидя, что и новый способъ привлечь вниманїе товарищей къ важному и практическому вопросу народнаго здравїя не достигается цѣли, опубликовалъ свою статью „*О лѣченіи и предохраненїи скарлатины*“. Если отказъ отъ испытанїя лѣкарства прежде до извѣстной степени могъ быть, съ натяжкой, объясняемъ нежеланїемъ врачей испытывать неизвѣстное средство, то теперь этотъ предлогъ былъ устраненъ, средство было открыто названо, равно какъ и точный способъ его приготовленїя и назначенїя, а также описанъ методъ его случайнаго открытїя. Но медицинская мысль совершенно еще не была подготовлена къ воспрїятїю гомеопатическаго принципа и къ уразумѣнїю возможности фізіологическаго дѣйствїя предложенныхъ Ганеманомъ малыхъ прїемовъ лѣкарства. Не надо забывать, что аналогичное открытїе Дженнера предохраненїя натуральной человѣческой оспы посредствомъ прививки коровьей оспы въ то же самое время, т. е., въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка, встрѣчало столь же сильную оппозицію со стороны врачей. Реакція совершилась позднѣе и, какъ обыкновенно, первоначальное враждебное недоувѣріе къ оспопрививанїю смѣнилось преувеличеннымъ и недостаточно критическимъ энтузіазмомъ. Точно такъ и позднѣйшіе опыты безпристрастныхъ врачей надъ предохранительными свойствами белладонны противъ скарлатины оказались благоприятными для Ганемана; и много лѣтъ спустя нѣкоторые врачи стали даже рекомендовать подъ видомъ собственнаго изобрѣтенїя белладонну, какъ профилактическое средство противъ скарлатины. Но Гуфеландъ въ 1826 г. написалъ статью о „*Профилактическомъ свойствѣ белладонны противъ скарлатины*“, въ которой приводитъ подавляющую массу положительныхъ свидѣтельствъ въ ея пользу и справедливо приписываетъ честь этого индуктивнаго открытїя

Ганеману. По собраннымъ въ то время свѣдѣнiямъ, изъ 3747 лицъ, подверженныхъ прямымъ шансамъ зараженiя скарлатиною и принимавшихъ въ это время белладонну, какъ предохранительное, только 90 заболѣло ею.

Тутъ будетъ умѣстно вставить тѣ объяснительные доводы, которые Ганеманъ въ этотъ періодъ своей дѣятельности далъ въ отвѣтъ на сдѣланныя ему возраженiя о ничтожности столь малыхъ приѣмовъ белладонны. Онъ пишетъ въ томъ же году въ журналѣ Гуфеланда: „Вы убѣдительно меня спрашиваете, *какое можетъ имѣть дѣйствіе $\frac{1}{100.000}$ грана белладонны?* Слово *можетъ* кажется мнѣ страннымъ и ведущимъ къ недоразумѣнiю. Наши учебники уже учинили окончательное рѣшеніе, какое могутъ имѣть дѣйствіе лѣкарства и извѣстные ихъ приѣмы и какъ ихъ въ точности принимать; они уже такъ рѣшительно присудили приговоръ, что ихъ можно было бы считать за символическія книги, если бы медицинскіе догматы были подчинены догматамъ вѣры. Но этого, слава Богу, еще нѣтъ: извѣстно, что наши учебники лѣкарствовѣдѣнiя менѣе всего обязаны своимъ происхожденiемъ чистому опыту, а часто играютъ лишь роль правнуковъ, слѣпо повторяющихъ за своими недаленовидными прадѣдами. Будемъ же вопрошать не руководства, а природу: какое дѣйствіе имѣетъ $\frac{1}{100.000}$ грана белладонны? Но въ такомъ видѣ вопросъ еще слишкомъ широкъ и только посредствомъ *ubi* (гдѣ), *quomodo* (какъ), *quando* (когда) и *quibus auxiliis* (съ помощью чего) сдѣлается опредѣленнѣе и доступнѣе отвѣту. Твердо засушенная пилюля экстракта белладонны на крѣпкаго *совершенно здороваго* крестьянина или работника обыкновенно не имѣетъ *никакого* дѣйствiя. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что одинъ гранъ этого экстракта составитъ надлежащій или, пожалуй, даже слишкомъ слабый приѣмъ для этого же самага или другого столь же сильнаго человѣка въ то время, *когда онъ боленъ*, или *еслибы дать ему этотъ гранъ въ растворѣ*, — отнюдь нѣтъ. Пусть тутъ замолчитъ псевдо-эмпиризмъ учебниковъ; послушаемъ, что говоритъ опытъ. Даже самый здоровый и дюжій молотильщикъ заболѣетъ сильнѣйшими и опаснѣйшими припадками отъ одного грана экстракта белладонны, если этотъ гранъ тщательно посредствомъ растиранiя растворить въ большемъ количествѣ воды (напр., въ 2 фун-

тахъ), этотъ растворъ (съ примѣсью немного спирта, такъ какъ всѣ растительные отвары иначе скоро портятся) посредствомъ пятиминутнаго встряхиванія въ бутылкѣ привести въ состояніи наивозможной равномерности, и заставить его принять его столовыми ложками въ теченіе шести или восьми часовъ. Эти два фунта будутъ содержать около 10.000 капель. Если теперь смѣшать одну изъ этихъ капель съ 2000 каплями (6 унціями) воды (съ небольшимъ количествомъ спирта при сильномъ встряхиваніи, то приемы по одной чайной ложкѣ (около 20 капель) этого раствора каждые два часа причинятъ не многимъ менѣе сильные припадки одинаково крѣпкому человѣку, *когда онъ боленъ*.—Твердая пилюля въ одинъ гранъ находитъ въ здоровомъ тѣлѣ очень мало точекъ соприкосновенія; она скользитъ внизъ почти совершенно неразтворенная по устланной слизью поверхности пищеварительнаго канала, пока она такимъ образомъ (уже сама по себѣ покрытая слизью) окончательно окутается экскрементами и вскорѣ найдетъ себѣ естественный выходъ. Безконечно иначе обстоитъ дѣло съ растворомъ, особливо съ тщательнымъ растворомъ. Будь онъ насколько угодно разведенъ, онъ при прохожденіи черезъ желудокъ соприкасается съ гораздо большимъ числомъ точекъ живыхъ волоконцевъ и возбуждаетъ, такъ какъ лѣкарство дѣйствуетъ не атомически, а лишь динамически, гораздо болѣе сильные симптомы, чѣмъ плотная пилюля, содержащая въ миллионъ разъ больше остающихся бездѣятельными лѣкарственныхъ частицъ“.

Такимъ образомъ Ганеманъ для принятой имъ въ то время дозировки и для объясненія дѣйствія минимальныхъ частицъ лѣкарства на человѣческой организмъ ставилъ два условія,—тончайшее размельченіе вещества и чрезмѣрно чувствительную воспримчивость *больнаго* организма къ своему *гомеопатическому* лѣкарству. Съ этимъ объясненіемъ соглашались даже противники его, напр., проф. Йергъ, который говоритъ: „совершенно естественно въ порядкѣ вещей, что лѣкарство должно имѣть гораздо болѣе сильное дѣйствіе, когда оно назначается лицу, уже страдающему отъ болѣзни, сходной съ тою, которую это лѣкарство способно произвести“.

Возвращаясь теперь къ прерванной нити нашего разсказа, прослѣдимъ въ хронологической послѣдовательности даль-

нѣйшій круговоротъ жизни и дѣятельности нашего героя. Въ періодъ времени отъ изгнанія изъ Кѣнигслоттера до возвращенія въ Лейпцигъ (1799 — 1811) его мысль неустанно работала надъ осуществленіемъ и усовершенствованіемъ своего новаго способа лѣченія и въ 1805 г. онъ опубликовалъ уже почти зрѣлый плодъ своего опыта въ журналѣ Гуфеланда, подъ заглавіемъ „*Опытная медицина*“. Эта превосходная статья, полная интереса даже въ настоящее время, представляетъ дальнѣйшее развитіе основныхъ положеній его „*Опыта новаго принципа*“ (1796) и служитъ предвѣстникомъ „*Органона*“, появившагося черезъ 4 года. Она содержитъ въ себѣ серьезное и сжатое изложеніе всего ученія, основаннаго отнюдь не на какихъ либо умозрительныхъ догадкахъ о сущности болѣзней, а исключительно на опытѣ и наблюденіи. Ганеманъ теперь предлагаетъ свое практическое правило лѣченія гораздо болѣе увѣренно и настойчиво и не только въ примѣненіи къ хроническимъ, но и къ острымъ болѣзнямъ. „Успѣхъ такого лѣченія, согласно съ законами природы, такъ надеженъ, такъ вѣренъ безъ всякаго исключенія, такъ быстръ внѣ всякаго ожиданія, что ни одинъ методъ лѣченія болѣзней не можетъ представить ничего подобнаго. — Излѣченіе острыхъ и хроническихъ болѣзней, какъ бы онѣ ни были угрожающи, тяжелы и продолжительны, наступаетъ такъ скоро, такъ совершенно и такъ незамѣтно, что больной воображаетъ себя непосредственно перенесеннымъ въ состояніе настоящаго здоровья, какъ бы посредствомъ новаго творенія“.

Къ этому же времени относятся его критическія статьи о неудовлетворительности основъ и практики медицины, а именно, „*Эскулапъ на вѣсахъ*“, „*О достоинствѣ спекулятивныхъ медицинскихъ системъ*“ и „*Наблюденіе надъ тремя господствующими методами лѣченія*“. Также заслуживаетъ особаго вниманія глубоко прочувствованное письмо (1808) его къ Гуфеланду, въ которомъ онъ излагаетъ свою profession de foi и описываетъ путь, который привелъ его къ настоящей точкѣ зрѣнія. Наконецъ, въ 1810 г. появилось первое изданіе его безсмертнаго Органона, въ которомъ дается уже вполне законченная и разработанная система опытной медицины, изложенная, къ сожалѣнію, въ нѣсколько догматической формѣ, по образцу афоризмовъ Гиппократова.

Но важнѣйшій по своему значенію и главный его трудъ въ этотъ періодъ заключался въ испытаніи дѣйствія лѣкарственныхъ веществъ на здоровый человѣческой организмъ. Когда онъ въ 1790 г. открылъ, что хина можетъ вызвать въ здоровомъ организмѣ извѣстнаго рода лихорадочный пароксизмъ, и когда ему блеснула счастливая мысль, что, быть можетъ, специфическое свойство хины излѣчивать перемежающуюся лихорадку именно и зависитъ отъ этой способности ея возбуждать въ организмѣ другую замѣщающую лихорадку, то у него прежде всего возродилось естественное стремленіе изслѣдовать, какъ дѣйствуютъ другія такъ называемыя специфическія средства и не вызываютъ ли они, такъ же какъ и хина, въ здоровомъ организмѣ болѣзненные состоянія, подобныя тѣмъ, какія они излѣчиваютъ у больныхъ. Онъ прежде всего направилъ свои поиски въ медицинскую литературу и путемъ долгаго и усерднаго труда собралъ массу положительныхъ свидѣтельствъ, подтверждавшихъ его предположеніе: вездѣ, гдѣ сообщалось о достовѣрномъ случаѣ излѣченія какой либо болѣзни посредствомъ какого либо лѣкарственнаго вещества, вездѣ и каждый разъ при повѣркѣ оказывалось, что это лѣкарственное вещество имѣетъ способность вызвать у здороваго симптомы, какъ разъ подобныя тѣмъ, которые оно вылѣчивало у больнаго. Удовлетворившись такимъ образомъ, что всѣ констатированныя излѣченія, отличаясь между собою во всѣхъ отношеніяхъ, имѣютъ одну общую черту, именно сходство или гомеопатичность между симптомами болѣзни и симптомами физиологическаго дѣйствія лѣкарства, вызвавшаго излѣченіе, онъ сдѣлалъ наведеніе (индукцію), что болѣзни эти излѣчивались соотвѣтствующими лѣкарствами именно въ силу этихъ самыхъ свойствъ ихъ производить симптомы, сходные съ тѣми, которые они излѣчиваютъ. Тогда, послѣ 7-ми лѣтънаго изученія этой стороны вопроса, онъ перевернулъ свою индукцію, обративъ ее въ дедукцію, и сказалъ: значить, лѣкарства должны излѣчивать у больнаго такія болѣзни, которыя сходны съ тѣми, которыя они производятъ у здороваго. Случай провѣрить этотъ выводъ скоро представился. Одинъ наборщикъ въ типографіи долгое время страдалъ весьма тяжелою кишечною коликою, которая не поддавалась никакому лѣченію. Тогда Ганеманъ рѣшилъ дать ему бѣлую чемерицу (*veratrum album*), на томъ основаніи, что она у

здоровыхъ людей вызываетъ такую же кишечную колику, и вотъ это упорное страданіе было излѣчено въ необычайно быстрый срокъ. Описаніе этой болѣзни дано было Ганеманомъ въ 1797 г. въ журналѣ Гуфеланда и представляетъ первый примѣръ въ исторіи медицины непосредственнаго излѣченія болѣзни посредствомъ лѣкарства, избраннаго на основаніи индуктивнаго правила, а не на основаніи традиціи или эмпирической аналогіи. Съ этихъ поръ Ганеманъ сталъ все чаще примѣнять это правило къ частнымъ случаямъ своей практики; такимъ путемъ, какъ мы видѣли, онъ открылъ предохранительное и цѣлительное дѣйствіе белладонны въ скарлатинѣ и такимъ образомъ онъ все болѣе и болѣе убѣждался въ истинности гомеопатическаго принципа. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что для того, чтобы провести гомеопатическій принципъ во всеобщую практику, необходимо имѣть предварительныя свѣдѣнія о параллельномъ дѣйствіи лѣкарствъ на здоровый человѣческій организмъ, для того, чтобы въ каждомъ случаѣ встрѣчаемой болѣзни имѣть передъ глазами ея лѣкарственный портретъ. Этихъ же свѣдѣній въ медицинѣ того времени не заключалось вовсе, потому что, за весьма немногими исключеніями (Штѣркъ, Галлеръ), никто не производилъ систематическаго испытанія лѣкарствъ на здоровыхъ людяхъ, а данныя токсикологіи (науки объ отравленіяхъ) были еще очень неполны и несовершенны для требуемой цѣли. Тщетно Ганеманъ обращалъ вниманіе медицинскаго міра на настоятельную необходимость этихъ изслѣдованій и призывалъ товарищей къ совмѣстному труду. Никто не отзывался. Но онъ не унывалъ и, воодушевленный пламенною любовью къ наукѣ и глубокимъ убѣжденіемъ въ обладаніи благодѣлнѣйшей для человѣчества истины, онъ самъ принялся за дѣло и съ этихъ поръ всю свою жизнь посвятилъ испытанію лѣкарствъ на самомъ себѣ, на членахъ своей семьи и на другихъ здоровыхъ людяхъ. Въ 1805 г. онъ опубликовалъ на латинскомъ языкѣ первый сборникъ своихъ наблюденій надъ дѣйствіемъ 27 лѣкарствъ, подъ заглавіемъ „*Fragmenta de viribus medicamentorum positivis sive in sano corpore observatis.*“ Однако же онъ видѣлъ, что одной человѣческой жизни недостаточно для обработки этого новаго поля изслѣдованія и что необходимо привлечь дѣятельныхъ сотрудниковъ; ему также было ясно,

что при враждебности медицинской прессы, для распространения его учения необходимо добиться возможности живымъ словомъ преподавать свое учение. Съ этою цѣлью онъ въ 1811 г. переѣхалъ въ Лейпцигъ.

III.

Теперь нужно представить себѣ положеніе.

Ганеманъ, какъ мы видѣли, уже много лѣтъ служилъ предметомъ самыхъ злобныхъ преслѣдованій своихъ товарищей за его беспощадныя, хотя и совершенно справедливыя и спокойныя разоблаченія недостатковъ современной ему медицины. Врачи, какъ и всѣ люди вообще, не терпятъ выслушивать правду, когда она неприятна, и съ неудовольствіемъ встрѣчаютъ всякое открытіе, грозящее подорвать ихъ авторитетъ въ глазахъ публики. Ганеманъ, порицая старую медицину, предлагалъ замѣнить новыя принципы; но они были слишкомъ преждевременны. Господствующая практика представляла полнѣйшій хаосъ и смѣшеніе всевозможныхъ медицинскихъ системъ, но преобладающимъ предпочтеніемъ пользовалась система Джона Броуна, которая доводила до крайнихъ предѣловъ лѣченіе болѣзней посредствомъ противоположно дѣйствующихъ средствъ и считалась верхомъ рациональности практическаго врача. Призывъ Ганемана испытать лѣченіе болѣзней посредствомъ подобно дѣйствующихъ средствъ казался революціоннымъ и абсурднымъ, причемъ было упущено изъ вниманія, не взирая на указанія самого Ганемана, что этотъ, повидимому, новый, потому что забытый, принципъ во всѣ времена уже практиковался въ медицинѣ, что онъ лежитъ въ основѣ многихъ специфическихъ методовъ лѣченія и что онъ рекомендовался уже многими знаме-

нитостями, но что онъ только никогда вполне ясно не проникать въ сознание медицинскаго міра. Но вмѣсто серьезныхъ опроверженій оппоненты его предпочитали прибѣгать къ личнымъ нападкамъ и старались очернить его личность и обвиняли его въ корыстолюбіи. По мѣрѣ же созрѣванія отдѣльных частей его системы и твердаго установленія необходимости назначать лишь одно простое средство и въ столь малыхъ (но еще не бесконечно малыхъ) приемахъ, которые никогда еще не примѣнялись въ медицинѣ, личные нападки на него переступили границы всякаго приличія и обратились прямо въ насмѣшки, издѣвательста и даже брань, не только въ медицинской, но и въ общей прессѣ. Видя такимъ образомъ игнорированіе своихъ доводовъ и искаженіе нравственныхъ мотивовъ своей дѣятельности въ медицинской прессѣ, а затѣмъ и въ высшей степени вызывающія инсинуаціи въ общей прессѣ, Ганеманъ оказался вынужденнымъ прекратить сношенія съ медицинскою прессою и защищать свои взгляды и отражать удары въ самой распространенной въ то время газетѣ „*der allgemeine Anzeiger der Deutschen*“, въ которой между прочимъ постоянно провѣтривались и всевозможные чисто медицинскіе предметы, а также вопросы, касающіеся медицинскаго быта. Такимъ образомъ, чисто медицинскій споръ былъ перенесенъ на нейтральную почву литературной газеты и сталъ достояніемъ публики, которая стала интересоваться сущностью предмета, а потомъ и практически знакомиться съ достоинствами новаго метода лѣченія, черезъ что успѣхъ Ганемана, какъ превосходнаго и счастливаго врача, все усиливался, а равномѣрно съ этимъ усиливалась и возрастала злоба и ненависть его противниковъ. Появленіе же „*Органона*“ послужило сигналомъ къ ожесточенной наступательной войнѣ со стороны врачей. Въ этой удивительной книгѣ Ганеманъ, до сихъ поръ называвшій свой методъ лѣченія „специфическимъ“, въ первый разъ далъ ему названіе „гомеопатическаго“*), отъ греческаго слова „гомойонъ“ (ὁμοιον) — подобный и „патосъ“ (παθος) — болѣзнь, совершенно

*) Собственно говоря, въ первый разъ онъ употребилъ слово „гомеопатическій“ въ 1807 г. въ заглавіи одной статьи: „*Fingerzeige auf den homöopathischen Gebrauch der Arzneien*“, Hufeland's Journal, Bd. 26, St. 2, S. 5—43 (позднѣ вошла въ составъ трехъ первыхъ изданій „Органона“).

согласно съ основнымъ практическимъ правиломъ этого метода— „*similia similibus curentur*“—лѣчи подобное подобнымъ. Это слово было подхвачено на лету для обособленія ученія Ганемана въ отдѣльную ересъ. Самъ онъ былъ поставленъ въ вынужденное положеніе ересіарха, а собравшіеся теперь вокругъ него ученики получили сектантское прозваніе „гомеопатовъ“, причемъ первоначальный и грамматически точный смыслъ слова былъ совершенно забытъ и искаженъ и сталъ теперь проницескою кличкою для обозначенія чего-то *малаго до смѣшнаго*. Теперь противники Ганемана увидѣли, что имѣють дѣло съ гигантомъ, мощно потрясающимъ столбы старой медицины и безстрашно вызывающимъ бойцовъ на жизнь или смерть. Нужно было защищать многовѣковыя традиціи и выдержать борьбу за собственное существованіе, потому что публика, введенная въ курсъ дѣла самими противниками Ганемана, стала уже понимать всю нераціональность и даже всю опасность господствующихъ способовъ врачеванія, а успѣхи гомеопатическаго лѣченія и убѣдительность разсужденій и доводовъ Ганемана все сильнѣе привлекали къ нему и къ его ученію симпатіи публики. Приверженцы старыхъ традицій и неизмѣнной рутины инстинктивно сплотились во-едино для уничтоженія опаснаго и ненавистнаго врага, и теперь на него посыпался буквально залпъ изъ всѣхъ непріятельскихъ орудій. Принципъ выбора специфическихъ средствъ для каждаго случая болѣзни или, какъ онъ теперь сталъ называться, гомеопатическій законъ подобія отвергался и отрицался, какъ абсурдъ, не требующій ни провѣрки, ни опроверженія, ни доказательства. Испытаніе лѣкарствъ на здоровыхъ людяхъ подвергалось осмѣянію и искаженію, а малость дозъ, достаточныхъ для требуемаго импульса гомеопатическаго лѣкарства, давала обильную пищу зубоскальству и издѣвательству. Огонь открылъ берлинскій профессоръ Геккеръ, обрушившійся въ 1810 г. на „Органонъ“ со всею страстностью лично раздраженнаго врага; за нимъ послѣдовали многіе другіе, не щадя никакихъ средствъ для умаленія заслугъ Ганемана, какъ ученаго, и униженія его достоинства, какъ человека. И вотъ, въ самый разгаръ непріятельскаго огня, мы видимъ Ганемана, спокойно появляющагося въ главную квартиру ожесточенныхъ и озлобленныхъ противниковъ и предъявляющаго право на преподаваніе своего ученія въ

стѣнахъ университета! Но для осуществленія этого права онъ долженъ былъ официально защитить диссертацию передъ медицинскимъ факультетомъ. Можно себѣ представить всю сенсацию такого смѣлаго и открытаго выступленія Ганемана въ то самое время, когда возбужденіе страстей противъ него достигло своей наивысшей точки! Враги злорадствовали, потому что еще ни разу не имѣли случая соразмѣрить своихъ силъ въ правильномъ единоборствѣ съ своимъ ученымъ противникомъ, и, зная господствующее настроеніе, съ увѣренностью ожидали его торжественнаго пораженія.

Горько же было ихъ разочарованіе.

Ганеманъ представилъ историко-медицинскую монографію на латинскомъ языкѣ „*О геллеборизмѣ древнихъ*“, въ которой онъ подвергаетъ изслѣдованію вопросъ объ общераспространенномъ въ древности опорожняющемъ методѣ лѣченія посредствомъ „геллеборуса“ многообразныхъ хроническихъ болѣзней, (какъ то: помѣшательства, меланхоліи, эпилепсіи, летаргіи, параличей, водобоязни, апоплексіи, подагры, ревматизма, головныхъ болей, головокруженія, кожныхъ болѣзней, проказы, зоба, рака, желудочно-кишечныхъ страданій и пр.), и на основаніи цѣлага ряда историческихъ, филологическихъ, ботаническихъ и физиологическихъ данныхъ проводитъ неопровержимое доказательство, что растеніе геллеборусъ, примѣнявшееся съ этою цѣлью, было не *helleborus niger*, а *veratrum album*. Попутно онъ разбираетъ множество вопросовъ относительно древности употребленія и различныхъ способовъ примѣненія этого средства, указываетъ мѣстности, гдѣ произрастали лучшіе его сорта, сообщаетъ признаки его доброкачественности, затѣмъ даетъ самыя точныя свѣдѣнія о самой процедурѣ „геллеборизма“, о наилучшемъ времени года и противопоказаніяхъ для его употребленія, о подготовляющемъ лѣченіи, о приготовленіи, о формѣ и о дозѣ медикамента, о сопровождающей діетѣ, объ устраненіи опасныхъ симптомовъ, часто вызываемыхъ этимъ лѣченіемъ, о предохранительныхъ мѣрахъ для обезпеченія его успѣшности, и, наконецъ, упоминаетъ также и объ употребленіи *hellebori nigri* у древнихъ. Ганеманъ давно уже былъ извѣстенъ, какъ основательный знатокъ древнихъ и новѣйшихъ языковъ, но особенно въ этой работѣ, потребовавшей изученія несчетнаго числа

древнихъ источниковъ, онъ прямо удивляетъ читателя своими богатѣйшими знаніями греческаго и латинскаго, а также и арабскаго языка и обнаруживаетъ самое близкое знакомство не только съ медицинскими авторами (Гиппократъ, Галенъ, Орибазій, Корнелій Цельзъ, Diosкоридъ, Руфусъ, Азтій, Аретей, Авиценна и пр.), но также и со всѣми классическими писателями древности (каковы: Гомеръ, Геродотъ, Плиній, Страбонъ и пр.). Такая обширная эрудиція и начитанность, въ связи съ необыкновенною глубиною и обстоятельностью изученія предмета, а также и удивительная ясность и точность языка, въ связи съ логическою убѣдительною доказательствомъ, ставятъ эту работу въ число выдающихся во всей медицинской литературѣ. Оппоненты его не знали даже, что и какъ возражать, и должны были противъ воли признать все превосходство Ганемана на ученомъ поприщѣ, а деканъ факультета, профессоръ Розенмюллеръ, не могъ воздержаться отъ выраженія своего одобренія и удивленія.

Блестящею защитою своею диссертациі 12 іюня 1812 г. Ганеманъ сдѣлался *Magister legens*, что равносильно теперешнему званію приватъ-доцента. Теперь завѣтная его мечта осуществилась: онъ получилъ право официальнаго преподаванія; а преподавать ему хотѣлось не съ тѣмъ, чтобы проповѣдывать искусственныя теоріи или выдуманныя гипотезы, подобныя всѣмъ предшествовавшимъ и построенныя на метафизическихъ соображеніяхъ о томъ, что такое душа и тѣло, что такое болѣзнь и здоровье, жизнь и смерть, матерія и сила,—о, нѣтъ. Онъ былъ врагъ всякаго умствованія и резонерства и ясно сознавалъ, что на зыбкомъ пескѣ спекулятивныхъ теорій никогда не можетъ быть воздвигнуто прочное зданіе рациональной терапіи. Онъ сгоралъ желаніемъ передать товарищамъ результаты своихъ слишкомъ 20-ти лѣтнихъ опытовъ и наблюденій надъ усовершенствованіемъ медицинскаго искусства, которые сводились теперь къ слѣдующимъ четыремъ положеніямъ: 1) изучать дѣйствіе лѣкарствъ въ свѣтѣ испытанія ихъ на здоровыхъ людяхъ; 2) примѣнять такимъ образомъ изученныя лѣкарства у постели больнаго на основаніи гомеопатическаго принципа, т. е., лѣчить болѣзни такими лѣкарствами, которыя сами вызываютъ у здороваго человѣка подобныя

болѣзни; 3) употреблять лѣкарства, выбранныя по этому принципу въ малыхъ дозахъ, т. е., въ такихъ пріемахъ, которые уже не въ состояніи проявить свое болѣзнетворное дѣйствіе, руководствуясь въ вопросѣ о дозѣ не разсужденіями, а клиническимъ опытомъ и наблюденіемъ; и 4) назначать каждое избранное средство порознь, въ простомъ видѣ, а не въ смѣси со многими другими. Эти четыре принципа, по его глубокому убѣжденію, должны были лежать въ основѣ рациональной и успѣшной терапіи, и они то и составляютъ цѣльное, здоровое и неизмѣнное ядро того метода лѣченія, которое со времени появленія „Органона“ стало называться „гомеопатіею“, и именно этотъ методъ онъ и сталъ теперь преподавать.

Вокругъ него сгруппировались талантливые и любознательные ученики, въ числѣ которыхъ были и юные студенты и сѣдовласые практическіе врачи, жаждавшіе свѣта просвѣщенія. Онъ открылъ курсъ лекцій объ „Органонѣ“, которая онъ читалъ 2 раза въ недѣлю, и кромѣ того сейчасъ же образовалъ кружокъ для испытанія лѣкарствъ, къ которому примкнули не только медики, но и студенты юридическаго, философскаго и теологическаго факультетовъ. Испытатели принимали лѣкарственные вещества, не зная ихъ названія, и затѣмъ приносили Ганеману свои дневники, въ которыхъ записывались наблюденія ихъ о дѣйствіи испытуемаго средства на разныя части и отправленія ихъ организма. Ганеманъ переспрашивалъ каждого изъ нихъ лично, сравнивалъ показанія разныхъ испытателей между собою и съ своими собственными наблюденіями и, убѣдившись въ надежности и достовѣрности полученныхъ симптомовъ, вносилъ ихъ въ такъ называемый „патогенезъ“ даннаго лѣкарства, т. е., въ собраніе тѣхъ болѣзненныхъ симптомовъ и явленій, которые лѣкарственное вещество вызываетъ въ здоровомъ организмѣ. Такимъ образомъ онъ былъ въ состояніи уже въ первый годъ своего пребыванія въ Лейпцигѣ выпустить 1-ю часть своего „Чистаго Лѣкарствовѣднія“, названнаго „чистымъ“ потому, что оно представляетъ простое, правдивое и точное описаніе фактовъ наблюденія надъ дѣйствіемъ лѣкарствъ на человѣческой организмъ, безъ всякой примѣси гипотезы, теоріи или толкованія о внутренней сущности механизма такого лѣкарственнаго дѣйствія. Вслѣдъ за первую

частью явились потомъ послѣдовательно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, еще 4 части, а также повторныя изданія, съ значительными добавленіями и исправленіями прежнихъ частей этого труда, заключающаго въ себѣ богатѣйшія свѣдѣнія о слишкомъ бо лѣкарственныхъ средствахъ. Рядомъ съ усерднымъ преподаваніемъ и неутомимымъ испытаніемъ лѣкарствъ, онъ ревностно занимался частною практикою и, благодаря своимъ удивительнымъ излѣченіямъ, съ каждымъ годомъ прибрѣталъ все большую извѣстность. Ученики его также примѣняли гомеопатическій методъ въ своей практикѣ, конечно, тоже получали выдающіеся случаи излѣченій и такимъ образомъ способствовали успѣху распространенія гомеопатическаго лѣченія.

Въ первое время его пребыванія въ Лейпцигѣ, благодаря его блестящему завоеванію прочной и выгодной для себя позиціи въ университетѣ, враги его находились въ выжидательномъ положеніи и искали болѣе удобнаго момента для нападенія. Но по мѣрѣ того, какъ практика его разрослась и моральное его вліяніе на студентовъ и врачей увеличивалось, злобные и завистливые инстинкты медицинской толпы становились все злѣе и враждебнѣе. А неуклонное приготовленіе Ганеманомъ и собственноручная раздача больнымъ собственныхъ лѣкарствъ положительно растравляли большую рану аптекарей. Вообще столкновеніе Ганемана съ аптекарскимъ сословіемъ, неизбежно вызванное самою сущностью его реформы, имѣло самое неблагоприятное значеніе для всей его соціальной и медицинской карьеры. Ганеманъ былъ создателемъ метода лѣченія, требовавшаго простыхъ лѣкарственныхъ средствъ въ малѣйшихъ приемахъ, и весь успѣхъ его лѣченія, а слѣдовательно, и всякій вѣрный выводъ о достоинствѣ его метода, долженъ былъ находиться въ прямой зависимости отъ наивозможной точности приготовления его лѣкарственныхъ орудій; вслѣдствіе чего онъ, конечно, ни на кого не могъ такъ вѣрно положиться, какъ на самого себя, а тѣмъ болѣе, что самыя ранніе опыты его будущей реформы уже встревожили инстинкты самосохраненія аптекарей и пробудили въ нихъ недоброжелательныя предубѣжденія. Ганеманъ тогда еще и не предугадывалъ своей послѣдующей теоріи динамизаціи и прописывалъ свои простыя лѣкарства, хотя и въ малыхъ, но все еще въ мате-

ріально-вѣсомыхъ пріемахъ; но аптекаря уже какъ бы почувствовали естественное развитіе новой реформы и ясно сознавали, что она подтачивала въ корнѣ ихъ благополучіе, находящееся въ прямой зависимости отъ *количества, сложности и дороговизны* прописываемыхъ *рецептовъ*, и поэтому недружелюбно относились съ самаго начала къ опасному для нихъ нововведенію, а съ другой стороны и не могли внушить довѣрія къ себѣ со стороны Ганемана. Когда же Ганеманъ, клинически испытывая чувствительность больнаго организма къ своимъ гомеопатическимъ лѣкарствамъ, постепенно и экспериментально дошелъ до необходимости назначать столь разведенные растворы, которые уже совершенно ускользали отъ самаго тонкаго химическаго анализа, не переставая, однако, оказывать явное терапевтическое дѣйствіе на больной организмъ, то теперь уже всякій контроль врача надъ аптекаремъ дѣлался невозможнымъ. Поэтому, не имѣя возможности ни посредствомъ органовъ чувствъ, ни посредствомъ химическихъ реактивовъ провѣрить доброкачественность или точность приготовленія лѣкарствъ, не имѣя даже средства убѣдиться, отпущено ли именно требуемое или какое либо другое средство, или не отпущено вовсе никакого, кромѣ спирта, врачъ гомеопатъ становился бы такимъ образомъ въ полную зависимость отъ аптекаря. Да и можно ли въ самомъ дѣлѣ ожидать или требовать отъ аптекарей столько самоотверженія или самоотреченія, чтобы онъ, въ ущербъ собственной выгодѣ, добросовѣстно предался хлопотливому и медлительному дѣлу приготовленія гомеопатическихъ разведеній, въ дѣйствительность которыхъ онъ не вѣритъ. Ганеманъ поэтому не видѣлъ другого исхода, какъ воспользоваться старымъ обычнымъ правомъ врачей лично раздавать лѣкарства пациентамъ; но при этомъ онъ вступилъ въ конфликтъ съ позднѣйшимъ медико-полицейскимъ постановленіемъ, на основаніи котораго „никто не можетъ готовить и отпускать лѣкарства, кромѣ аптекаря, по рецепту врача“.—Наконецъ, въ 1819 г., лейпцигскіе аптекаря подали жалобу въ Врачебное Управление, которое, какъ и слѣдовало ожидать, постановило, чтобы Ганеманъ дѣйствовалъ и поступалъ на основаніи буквы закона. Ганеманъ подалъ апелляцію, въ которой доказывалъ, что слово „лѣкарство“ (*Arzneien und Medicamente*) въ законѣ вездѣ и всегда

употребляется въ смыслѣ сложныхъ и составныхъ средствъ, а что простыя однородныя средства называются въ законѣ „лѣкарственными веществами“ (Arzneisubstanzen, Simplicia, Species); затѣмъ, что выраженіе „приготавливать и отпускать“ относится только до составленія изъ нѣсколькихъ простыхъ средствъ одной сложной смѣси или формы; что поэтому подлежащая статья закона предоставляетъ аптекарямъ лишь привилегію изготовленія по рецептамъ врачей сложныхъ лѣкарственныхъ формъ, которыя въ гомеопатіи не употребляются; и что никакой законъ никогда не давалъ аптекарю исключительнаго права только ему одному отпускать по ручной продажѣ простыя лѣкарственные вещества, иначе невозможно было бы существованіе дрогистовъ; а тѣмъ болѣе, что никакой законъ никогда не воспрещалъ врачу безвозмездный отпускъ простыхъ лѣкарствъ своимъ пациентамъ; и, наконецъ, что самая тонкость приготвленія гомеопатическихъ разведеній, по отсутствію провѣрочныхъ для нихъ химическихъ реактивовъ, не можетъ быть довѣрена постороннему лицу или тѣмъ болѣе враждебной сторонѣ. Дѣлопроизводство по этому вопросу неожиданно затянулось, въ силу слѣдующаго обстоятельства.

Случилось въ это время, что Австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ пріѣхалъ въ Лейпцигъ искать помощи у Ганемана. Онъ былъ пораженъ апоплексическимъ параличемъ правой половны туловища и до сихъ поръ безуспѣшно лѣчился у знаменитѣйшихъ врачей того времени; поэтому онъ рѣшился испытать на себѣ методъ лѣченія Ганемана. Пріѣздъ его произвелъ сенсацію въ городѣ; а когда состояніе пациента стало съ каждою недѣлею улучшаться и когда онъ, ко всеобщему удивленію, сталъ даже выѣзжать для прогулокъ въ экипажѣ, то Ганеманъ былъ возведенъ въ небывалый почетъ, вошелъ въ близкія сношенія съ придворными и высокопоставленными лицами и получилъ весьма вліятельное положеніе, вслѣдствіе чего и преслѣдованіе медицинскихъ властей противъ него должно было притихнуть. Къ сожалѣнію, не надолго. Престарѣлый фельдмаршалъ прибылъ въ Лейпцигъ въ совершенно безнадежномъ состояніи и уже давно былъ приговоренъ медицинскими авторитетами къ неминуемой и скорой смерти; Ганеману удалось поддержать пациента въ теченіе почти цѣлаго года и доста-

вить ему такое сравнительное благосостояніе, которое больной еще не испытывалъ ни отъ какого другаго лѣченія. Но застарѣлая органическая болѣзнь мозга и сердца не могла больше поддаться дальнѣйшему улучшенію, и, наконецъ, всякое искусство имѣеть свои предѣлы. Наступило неизбежное ухудшеніе, и 15 октября 1820 г. князь скончался. Протоколъ вскрытія обнаружилъ такое глубокое разрушеніе благородныхъ органовъ, противъ котораго должно было остаться безсильнымъ всякое лѣченіе. Тѣмъ не менѣе этотъ случай, на который было обращено всеобщее вниманіе въ Германіи и Австріи, имѣлъ пагубное значеніе для Ганемана и черезъ это отчасти для участи гомеопатіи. Сдержанное молчаніе противниковъ теперь разразилось потокомъ злословія и пріостановленному процессу дано было немедленное движеніе.

Въ декабрѣ того же 1820 г. Ганеману было окончательно вмѣнено въ обязанность прописывать свои лѣкарства изъ аллопатическихъ аптекъ, и такимъ образомъ былъ умерщвленъ жизненный нервъ его практической дѣятельности, такъ какъ весь успѣхъ гомеопатическаго лѣченія былъ отданъ въ руки его злѣйшихъ враговъ. Такое постановленіе было равносильно запрещенію ему практиковать. Не желая подчиниться закону, который предавалъ честь и достоинство его искусства поруганію его непримиримыхъ противниковъ, онъ долженъ былъ покинуть не только Лейпцигъ, но и свое дорогое отечество—Саксонію.

IV.

Великодушный и просвѣщенный герцогъ Фердинандъ Ангальтъ-Кѣтенскій, ревностный приверженецъ гомеопатическаго лѣченія, тогда предложилъ Ганеману убѣжище въ своей резиденци, въ качествѣ лейбъ-медика и съ чиномъ Hofrath' a, предоставивъ ему безусловную свободу медицинской практики съ правомъ собственнаго приготовления и отпуска лѣкарствъ безъ вмѣшательства привилегированныхъ аптекъ. Лѣтомъ 1821 г. Ганеманъ переселился въ Кѣтенъ, маленькій, скучный и неприглядный городокъ послѣдняго разряда, въ которомъ онъ, не смотря на внѣшній почетъ, оказанный ему герцогомъ, долженъ былъ горько сожалѣть и вспоминать о несравненномъ Лейпцигѣ, бывшемъ въ то время центромъ нѣмецкой культуры. Онъ приобрѣлъ себѣ небольшой двухъ-этажный домъ, съ маленькимъ садикомъ позади двора, и повелъ совершенно замкнутую и уединенную жизнь, продолжая неустанно развивать и разрабатывать свой методъ лѣченія, который уже дѣятельно практиковался его учениками, одинъ изъ которыхъ Эрнстъ Штапфъ, въ 1822 г. основалъ первый гомеопатическій журналъ „*Archiv f. hom. Heilkunst*“, отличавшійся серьезнымъ и спокойнымъ направлениемъ и много содѣйствовавшій распространению гомеопатіи въ Германіи. Маленькая столица герцога, конечно доставляла ему сама по себѣ лишь очень ограниченный материалъ для наблюденія какихъ бы то ни было, но особливо острыхъ болѣзней. Но слава объ немъ уже гремѣла по

всей Германіи, и къ нему теперь потекли со всѣхъ сторонъ больные, одержимые хроническими недугами. Это обстоятельство послужило причиною его особеннаго вниманія къ хроническимъ болѣзнямъ. Онъ видѣлъ, что послѣ устраненія наиболѣе тягостныхъ жалобъ пациентовъ и послѣ излѣченія поверхностныхъ симптомовъ болѣзни во многихъ случаяхъ не наступаетъ полнаго выздоровленія, а появляются какіе либо новые или выдвигаются старые симптомы, и пациентъ все-таки, такъ или иначе, остается больнымъ. Вдумываясь въ эти случаи и углубляясь въ исторію происхожденія хроническихъ болѣзней, онъ часто находилъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не достигалось полнаго излѣченія путемъ доселѣ испытанныхъ гомеопатическихъ средствъ, обыкновенно въ прошломъ пациента удавалось прослѣдить какую либо кожную болѣзнь, которая была согнана или „воннана внутрь“ посредствомъ энергическаго наружнаго лѣченія, и что съ этого времени начинается внутренній недугъ пациента. Съ другой стороны, ему приходилось неоднократно наблюдать, а также читать въ медицинской литературѣ, случаи излѣченія внутреннихъ болѣзней вслѣдъ за возвращеніемъ старой или появленіемъ новой сыпи. Въ то время большинство кожныхъ болѣзней, сопровождавшихся зудомъ кожи и высыпаніемъ пупырчатой и пузырьчатой сыпи, называлось общимъ именемъ *псоры*, вслѣдствіе сходства этихъ сыпей съ настоящею псоріею въ тѣсномъ смыслѣ, т. е., чесоткою, происходящею отъ чесоточнаго клеща. Въ такомъ же неопредѣленномъ смыслѣ употреблялъ и Ганеманъ слово „псору“, смѣшивая подъ этимъ названіемъ множество разнородныхъ болѣзней и отождествляя ихъ съ чесоткою,—чему нельзя удивляться и чего не слѣдуетъ вмѣнять ему въ особенную вину, такъ какъ то же самое заблужденіе раздѣлялось почти всѣми предшествующими и многими послѣдующими врачами, пока, наконецъ, вѣнская школа не положила основанія точной патологіи кожи. Ганеманъ пришелъ къ убѣжденію, что всѣ хроническія болѣзни обязаны своимъ происхожденіемъ и своимъ упорствомъ существованію въ крови особенныхъ специфическихъ *миазмъ*, изъ которыхъ самая закоренѣлая есть *псора*, дающая начало хроническимъ кожнымъ болѣзнямъ, которыя, будучи насильственно подавлены, обращаются на внутренніе органы. Эта

мысль лежитъ въ основаніи его обширнаго труда „*О хроническихъ болѣзняхъ*“, изданнаго имъ въ 5 томахъ въ теченіе 1828—1830 г.г.

Сочиненіе это, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, недостаточно оцѣненное и мало читаемое, должно быть разсматриваемо съ двухъ точекъ зрѣнія, Съ теоретической—оно можетъ подлежать различнымъ толкованіямъ и возраженіямъ, но является интереснымъ въ томъ отношеніи, что Ганеманъ, который прежде такъ горячо и убѣдительно возсталъ противъ гипотетическихъ попытокъ объяснять абсолютную сущность болѣзней, теперь самъ построилъ фантастическую патологическую гипотезу, лишенную прочнаго и реальнаго основанія. Не менѣе интересно и то, что сущность его гипотезы, вызвавшей нескончаемыя возраженія аллопатическихъ (а также и гомеопатическихъ) авторовъ, вовсе не стоитъ въ абсолютномъ и непримиримомъ противорѣчій съ новѣйшею патологіею; напротивъ, она даже близко согласуется съ общепринятыми теперь воззрѣніями о существованіи такъ-называемыхъ дискразій, кахексій или худосочій,—напримѣръ, туберкулезнаго, золотушнаго, подагрическаго, или особливо герпетическаго, весьма сходнаго съ псорическимъ Ганемана,—допущеніе которыхъ основано на предположеніи о циркуляціи въ крови или отложеніи въ желѣзистыхъ или лимфатическихъ депо болѣзнетворныхъ возбудителей (*materies morbi*), налагающихъ особую печать на общій видъ индивидуума и на каждое случайное заболѣваніе его организма. Такъ ли, или иначе, но теорія псоры есть не болѣе какъ патологическая гипотеза и, какъ таковая, не имѣетъ значенія для практической гомеопатіи, которая представляетъ методъ лѣченія, совершенно не зависимый отъ патологическихъ гипотезъ и руководимый лишь практическимъ правиломъ: „лѣчи подобное подобнымъ“. Поэтому съ теоретической стороны этотъ трудъ Ганемана имѣетъ теперь лишь историческій интересъ.

Съ практической же точки зрѣнія за нимъ остается огромное значеніе на всѣ времена, потому что, изыскивая, на основаніи своего принципа, лѣкарства, которыя радикальнѣе дѣйствовали бы на организмъ и воспроизводили бы въ здоровомъ организмѣ многообразныя явленія, свойственныя скрытой или явной псорѣ, Ганеманъ открылъ цѣлую группу

лѣкарственныхъ веществъ, имѣющихъ глубокое вліяніе на конституціональныя условія жизни и питанія, здоровья и болѣзни человѣческаго организма, и, примѣняя ихъ по закону подобія, достигъ возможности излѣченія такихъ законренѣлыхъ хроническихъ недуговъ, которые считались неизлѣчимыми. Эти средства, каковы, напримѣръ, Sulfur, Calcareo, Silicea, Graphit, Sepia, Carbo vegetabilis, Natrum muriaticum, Baryta carbonica и пр.,—онъ назвалъ антипсорическими, потому что предполагалъ, что они излѣчиваютъ хроническія болѣзни, разрушая псору. Это, конечно, опять гипотеза, неимѣющая реального основанія и касающаяся механизма дѣйствія лѣкарства, но нисколько не измѣняющая самый фактъ способности этихъ средствъ оказывать паразитально благотворное дѣйствіе на хроническія болѣзни, причемъ выборъ ихъ, по прежнему, происходитъ на основаніи гомеопатическаго принципа, только шире понимаемаго. Введеніемъ въ практику этихъ новыхъ средствъ и сообщеніемъ точныхъ показаній къ ихъ употребленію, Ганеманъ внесъ драгоцѣнный вкладъ въ сокровищницу гомеопатическаго лѣкарствовѣдѣнія и далъ врачамъ цѣлый арсеналь могущественнѣйшихъ орудій для борьбы съ болѣзнями.

Въ то же самое время и отчасти подъ впечатлѣніемъ открытія вышеупомянутыхъ средствъ, онъ увлекся теоріею *динамизаціи* или увеличенія дѣйствія лѣкарствъ по мѣрѣ ихъ разведенія. Ганеманъ въ дѣйствіи лѣкарствъ всегда и совершенно справедливо усматривалъ два отличительныхъ характера дѣйствія; съ одной стороны—физико-химическое и грубо-физиологическое, съ другой — специфическое или динамическое. Вся сущность его ученія заключалась въ томъ, чтобы отыскивать по извѣстному плану эту специфическую сторону дѣйствія лѣкарствъ путемъ изслѣдованія ихъ свойствъ на здоровомъ человѣческомъ организмѣ, списывать съ натуры клиническія картины этого специфическаго дѣйствія лѣкарствъ и затѣмъ примѣнять эти лѣкарства у постели больного, представляющаго сходную клиническую картину. Ганеманъ вскорѣ увидѣлъ, что примѣненіе лѣкарствъ по этому (гомеопатическому) принципу въ обыкновенныхъ дозахъ часто вызываетъ предшествующее и иногда довольно бурное ожесточеніе, вслѣдъ за которымъ уже наступаетъ послѣдующее улучшеніе. Для избѣжанія этого ожесточенія онъ

сталъ уменьшать лѣкарственныя дозы и вскорѣ увидѣлъ, что физико-химическое или грубо-физиологическое дѣйствіе лѣкарства прекращается гораздо раньше специфическаго или динамическаго, причемъ онъ былъ приведенъ къ высшей степени важному и интересному открытію, а именно, что путемъ прогрессивнаго разведенія растворовъ можно доходить до невѣроятнаго уменьшенія лѣкарственнаго вещества безъ пропорціонально-равномѣрнаго уменьшенія его динамическаго дѣйствія. Возможность дѣйствія такихъ минимальныхъ дозъ лѣкарствъ онъ объяснялъ специфическимъ средствомъ наималѣйшихъ лѣкарственныхъ частицъ къ больнымъ частямъ, которыя находятся въ состояніи чрезвычайной воспримчивости къ своимъ специфическимъ раздражителямъ; необходимость же употребленія такихъ разведеній онъ признавалъ ради устраненія слишкомъ сильной реакціи организма, причемъ онъ также допускалъ объясненіе, что уменьшеніе лѣкарственнаго содержанія въ разведеніяхъ и растираніяхъ съ избыткомъ вознаграждалось размельченіемъ лѣкарственныхъ частицъ, расширеніемъ ихъ общей поверхности, увеличеніемъ точекъ ихъ соприкосновенія съ всасывающими аппаратами и приведеніемъ ихъ въ состояніе наиболѣе удобное для такого всасыванія. Тѣмъ не менѣе онъ прежде всетаки смотрѣлъ на разведенія, какъ на *уменьшеніе* силы лѣкарствъ. Съ теченіемъ же времени онъ измѣнилъ этотъ взглядъ и сталъ смотрѣть на разведенія, какъ на увеличеніе силы лѣкарствъ, чему много способствовало его наблюденіе надъ неоспоримымъ фактомъ, что многія вещества, каковы, на примѣръ, кремнеземъ, уголь, известь, сѣра, графитъ, плаунъ и проч., будучи инертны и бездѣтельны въ своемъ грубомъ состояніи, пріобрѣтаютъ свои специфическія лѣкарственныя свойства лишь послѣ тщательнаго растиранія нерастворимыхъ средствъ съ индифферентнымъ веществомъ, на примѣръ, съ молочныхъ сахаромъ, или послѣ тщательнаго взбалтыванія растворимыхъ средствъ съ индифферентною жидкостью, на примѣръ, со спиртомъ; причемъ большая пригодность ихъ къ лѣчебнымъ цѣлямъ въ этомъ состояніи разведенія или растиранія привела его къ убѣжденію, что съ каждымъ послѣдовательнымъ разведеніемъ или растираніемъ они пріобрѣтаютъ все большую динамическую силу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пересталъ смотрѣть на встряхи-

ваніе, взбалтываніе и треніе, какъ на просто-механическіе способы размельченія и равномѣрнаго смѣшенія вещества, но сталь приписывать имъ особенное значеніе, въ смыслѣ спеціального способа освобожденія ихъ динамическихъ свойствъ. Такимъ образомъ, въ ученіи о динамизаціи нужно также различать двѣ стороны, фактическую и гипотетическую. Фактъ поразительно успѣшнаго терапевтическаго дѣйствія динамизированныхъ лѣкарствъ, выбранныхъ на основаніи гомеопатическаго закона подобія, не подлежитъ теперь ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ онъ выдержалъ уже строжайшій контроль и провѣрку клиническаго опыта. Гипотеза же объясненія этого факта еще твердо не установлена, но, по мѣрѣ совершенствованія естественныхъ наукъ, встрѣчается все болѣе и болѣе опорныхъ точекъ съ этой стороны.

Обѣ эти теоріи—теорія *исоры и динамизаціи*—были внесены имъ въ послѣднія изданія „Чистаго лѣкарствовѣдѣнія“ и „Органона“, какъ бы существенныя части этихъ сочиненій, между тѣмъ какъ онѣ являются лишь несущественными и спорными объяснительными гипотезами, не имѣющими ничего общаго съ непреложными опытными истинами его ученія и не входившими въ составъ первыхъ изданій этихъ сочиненій. Но это было совершенно упущено изъ виду его критиками, какъ современными ему, такъ и всѣми позднѣйшими, и имъ открылся широкій просторъ вышучивать „чесоточную“ теорію и всѣ теоретическія затрудненія, преувеличенія и непоследовательности его „спиритуализаціи лѣкарствъ.“ Поэтому этотъ періодъ особенно богатъ литературными вылазками противъ творца гомеопатіи, его ученія и его учениковъ. Нѣкоторые критики, очень ничтожное меньшинство болѣе или менѣе спокойно опровергали теоретическія соображенія Ганемана, не давая себѣ, однако, никакого труда отдѣлать теоретическую часть отъ практической и испытать практическое достоинство системы; но огромное большинство обращало литературную полемику въ арену личной перебранки и самой необузданной клеветы. Таковы памфлеты Симона, Ковача, Закса и др., въ которыхъ на каждомъ шагу встрѣчаются такіа выраженія: *гомеопатія* есть „шарлатанство“, „фокусничество“, „наказуемый обманъ“, „дурацкая наука“, „занятіе для праздныхъ сапожниковъ“; *Ганеманъ*—„презрѣнный бродяга“; „шатающійся невѣжественный цирюльникъ“,

„лгунъ“, „негодный развратникъ“, „набитый дуракъ“ „фальшивая лисица“; его *ученики* — „сводники Ганемана“, „обманщики“, „фальшивые монетки“, „безстыжіе лгуны“, „уличные шарлатаны“, „глупцы“, „невѣжи и медицинскіе фигляры“; *больные*, пользующіеся гомеопатически, — „дураки“. Ганеманъ, по обыкновению, сохранялъ презрительное молчаніе, а на основательныя возраженія отвѣчалъ, теперь уже болѣе рѣзко, но безлично и фактически, въ текстѣ своихъ сочиненій. Ученики же его, неоднократно пытавшіеся защищать честь горячо любимаго учителя и достоинство его ученія, встрѣчали упорный отказъ со стороны не только медицинской, но и общей прессы, которая находилась подъ давленіемъ аллопатическаго большинства и не допускала случая, чтобы публика слышала оправданіе гомеопатовъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторымъ изъ нихъ удалось напечатать свои возраженія и разъясненія, которыя дышуть глубокимъ убѣжденіемъ и написаны большею частью въ умѣренномъ и благопристойномъ тонѣ, хотя, конечно, и съ этой стороны бывали исключенія. Кромѣ того нѣкоторые изъ наиболѣе талантливыхъ и свободомыслящихъ учениковъ Ганемана, каковы: Рау, Шрѣнъ, Грисселихъ, Гартманъ и др., сочли своимъ нравственнымъ долгомъ взять подъ свою защиту несравненное открытіе гомеопатіи противъ увлеченій ея творца и удержать ее на подобающей ей высотѣ опытной науки, независимой отъ какихъ бы то ни было и чьихъ бы то ни было фантазій и гипотезъ. Такъ, въ 1833 г. была основана „*die allgemeine homöopathische Zeitung*,“ существующая до сихъ поръ, а въ 1834 г. „*Hygea*“, два періодическихъ изданія, посвященныхъ безпристрастной и свободной оцѣнкѣ гомеопатическаго ученія. Такимъ образомъ образовалась новѣйшая гомеопатическая школа, которая, сохраняя глубокую благодарность и безпредѣльное уваженіе къ своему безсмертному учителю, удерживаетъ за собою прежде всего свободу сужденія по всѣмъ спорнымъ вопросамъ теоріи и практики, отказываясь отъ абсолютнаго порабощенія игу одного человѣка. Но Ганеманъ, который гордо и мужественно переносилъ самыя язвительныя выходки своихъ противниковъ, сталъ очень чувствителенъ къ возраженіямъ своихъ учениковъ. Изолированная жизнь въ Кѣтенѣ, отсутствіе общенія и обмѣна мыслей съ учениками, вся горечь незаслуженнаго изгнанія

и естественныя слабости старческаго возраста,—ему теперь было около 80 лѣтъ,—все вмѣстѣ содѣйствовало укорененію въ немъ извѣстной доли моральнаго деспотизма и догматизма по отношенію къ отступленію отъ текста послѣдняго изданія „Органона“ со стороны его учениковъ, и съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ даже порвалъ прежнія дружескія сношенія изъ за несогласія во взглядахъ.

Жизнь его въ Кётенѣ складывалась слѣдующимъ образомъ. Онъ вставалъ лѣтомъ въ 6, зимою въ 7 утра, выпивалъ нѣсколько чашекъ теплаго молока, закуривалъ трубку и, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, выходилъ гулять въ садъ, послѣ чего принималъ пациентовъ или занимался корреспонденціею съ больными и друзьями. Насколько позволяло время года, онъ около 10 часовъ любилъ поѣсть фруктовъ, а обѣдалъ всегда въ 12, причемъ особенно охотно ѣлъ крѣпкій мясной бульонъ, говядину, баранину и всякую живность и дичь; менѣе всего любилъ телятину и свинину; зелени вообще не любилъ, но иногда ѣлъ бобы, цвѣтную капусту и шпинатъ; компотъ долженъ былъ быть очень сладкимъ. За столомъ онъ обыкновенно пилъ бѣлое пиво, а когда бывали гости, то немного вина. Послѣ обѣда онъ отдыхалъ съ часъ на диванѣ, послѣ чего опять принималъ больныхъ до 7; въ 7 немного ужиналъ и послѣ ужина, зимою и лѣтомъ, прогуливался въ саду, въ сопровожденіи маленькой комнатной собачки, которую онъ очень любилъ. Затѣмъ онъ отдыхалъ около часу въ семейномъ кругу, послѣ чего уходилъ въ свой рабочій кабинетъ, въ которомъ читалъ, писалъ и занимался обыкновенно до 12 или 1 часу ночи, но кромѣ того часто засиживался гораздо позднѣе. Больше всего онъ любилъ свой садъ, въ которомъ онъ не только гулялъ, но въ хорошее время года принималъ больныхъ и знакомыхъ, а также и проводилъ время отдыха и занятій. Одинъ изъ многочисленныхъ посѣтителей Кётена, много слышавшій объ Ганеманѣ и объ его садѣ, былъ введенъ къ нему именно въ то время, когда онъ былъ занятъ чтеніемъ въ садовой бесѣдкѣ. Посѣтитель, ожидая увидѣть большой и настоящей садъ, спросилъ: „а гдѣ же садъ?“ на что Ганеманъ отвѣтилъ: „вотъ *это* садъ“. Пріѣзжій съ удивленіемъ спросилъ: „Какъ, этотъ маленькій клочекъ земли?“ „Да,“ отвѣчалъ Ганеманъ, „онъ очень малъ и тѣсенъ; но, посмотрите, онъ

безконечно высокъ“. При этомъ философъ указалъ вверхъ на голубое небо. На улицу онъ почти не выходилъ вовсе, потому что въ Кётенѣ онъ не посѣщалъ больныхъ на дому, а только принималъ ихъ у себя, въ свои пріемные часы; единственныя его отлучки изъ дому были посѣщенія къ герцогу и прогулки въ экипажѣ за-городъ. Такъ проходили дни за днями, годы за годами. Одинъ изъ ближайшихъ друзей Ганемана и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ первыхъ его учениковъ, д-ръ Штапфъ, приглашалъ своего учителя навѣстить его въ Наумбургъ. Принося ему письменную благодарность за приглашеніе, Ганеманъ пишетъ: „Я не могу воспользоваться Вашимъ приглашеніемъ, потому что я не имѣю возможности отлучиться даже на одну милю разстоянія: короткій срокъ существованія, остающагося мнѣ въ удѣлъ, долженъ быть израсходованъ съ строжайшею пунктуальностью, отъ которой я не могу отступить ни на волосъ. Потому то всѣ путешествія для меня теперь невозможны. Я даже не могу посѣтить мою замужнюю дочь въ Лейпцигъ“.

Это правильное однообразіе жизни нашего героя было оживлено торжественнымъ празднованіемъ его 50-ти лѣтняго докторскаго юбилея 10 августа 1829 г. По этому случаю, его ученики, друзья, почитатели и пациенты, съѣхавшіеся въ большомъ числѣ къ этому дню въ Кётенъ, поднесли ему поздравительный дипломъ медицинскаго факультета въ Эрлангенѣ, въ которомъ онъ 50 лѣтъ тому назадъ получилъ званіе доктора медицины, затѣмъ юбилейный адресъ съ самыми искренними пожеланіями отъ присутствующихъ и отсутствующихъ приверженцевъ гомеопатическаго метода лѣченія, прекрасную медаль, гравированную Крюгеромъ въ Дрезденѣ, и большой портретъ Ганемана масляными красками, писанный художникомъ Шоппе въ Берлинѣ. Кромѣ того, д-ръ Штапфъ къ этому юбилею собралъ и издалъ въ одномъ томѣ большую часть меньшихъ по размѣру, но неоцѣнимыхъ по глубинѣ содержанія, медицинскихъ статей Ганемана, разсыпанныхъ въ разныхъ журналахъ, теперь уже не существующихъ или составляющихъ большую библиографическую рѣдкость, чѣмъ оказана огромная услуга всѣмъ изучающимъ хронологическое развитіе мысли и ученія геніальнаго реформатора. Герцогъ и герцогиня прислали масти-

тому юбиляру собственноручно написанныя письма съ выраженіемъ самыхъ сердечныхъ желаній и съ приложеніемъ двухъ цѣнныхъ подарковъ—стариннаго бокала и золотой табакерки съ брилліантовымъ вензелемъ герцога. Въ тотъ же день было основано первое общество врачей гомеопатовъ, существующее до настоящаго времени подъ названіемъ „Гомеопатическаго Центрального Союза Германіи“, и имѣющее съ тѣхъ поръ свое годичное общее собраніе 10 августа каждаго года въ разныхъ мѣстахъ Германіи, согласно выбору собранія. Ганеманъ былъ выбранъ его первымъ и безсмѣннымъ предсѣдателемъ. Старикъ былъ тронуть отовсюду оказанными ему знаками вниманія и почета и провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ въ товарищеской бесѣдѣ съ учениками. Но какъ только замолкъ шумъ праздничнаго торжества, онъ опять погрузился въ свои мысли и тотчасъ возстановилъ прежній механизмъ своей жизни, продолжая работать надъ усовершенствованіемъ своего метода лѣченія, который теперь уже имѣлъ многочисленныхъ и глубоко убѣжденныхъ послѣдователей во всѣхъ европейскихъ государствахъ, а также проникъ и въ Америку, въ которой онъ пустилъ особенно глубокіе корни и пользуется теперь въ обществѣ и въ медицинскомъ образованіи полною равноправностью, наравнѣ съ прежнимъ (аллопатическимъ) методомъ лѣченія.

Вскорѣ Ганеману представился случай дать міру новое и блестящее доказательство вѣрности и научности гомеопатическаго закона лѣченія, а вмѣстѣ съ тѣмъ получить высочайшее нравственное удовлетвореніе отъ повсемѣстнаго признанія необыкновенной успѣшности гомеопатическаго лѣченія въ борьбѣ съ однимъ изъ злѣйшихъ бичей рода человѣческаго. Въ 1831 г. появилась въ Европѣ азіатская холера и, поглощая огромное количество жертвъ изъ всѣхъ классовъ населенія, навела панической ужасъ и страхъ на цѣлую часть свѣта. Господствовавшіе въ то время способы лѣченія холеры, главнымъ образомъ безпощадныя кровопусканія и опій въ огромныхъ пріемахъ, конечно, не только не спасали больныхъ, а, наоборотъ, значительно содѣйствовали смертности отъ холеры, которая достигала 50—80⁰/₀, т. е., изъ каждыхъ 100 заболѣвшихъ избѣгали смерти не больше 20—50 человекъ. Въ то время какъ врачи, совершенно демора-

лизованные своимъ общепризнаннымъ безсиліемъ противъ этой болѣзни, спорили и не могли прійти къ соглашенію относительно лучшаго способа ея лѣченія, Ганеманъ, не видѣвши еще ни одного случая холеры, а только на основаніи описываемой картины ея проявленія, нашелъ сходство ея симптомовъ съ симптомами отравленія камфорою, чемерицею и солями мѣди. Поэтому, руководимый закономъ подобія, онъ совершенно увѣренно могъ предвидѣть и предсказать, что камфора, чемерица (*veratrum album*) и мѣдь будутъ гомеопатическими средствами противъ холеры. Онъ разослалъ нѣсколько тысячъ циркуляровъ во всѣ концы свѣта съ точнымъ наставленіемъ, въ какіе именно періоды холеры и въ какихъ дозахъ принимать эти лѣкарства, и отовсюду вскорѣ были получены единогласныя радостныя извѣстія, что гомеопатія блистательно побѣждаетъ холеру. Но именно эти успѣхи гомеопатіи возбуждали ярость противниковъ Ганемана, которые не хотѣли допустить мысли, чтобы такая бурная и смертельная болѣзнь, какъ холера, могла поддаваться излѣченію безъ кровопусканія и „героическихъ“ средствъ; и теперь на гомеопатовъ обрушилось свирѣпое обвиненіе, что они, отвергая пользу и необходимость кровопусканій въ холерѣ, убиваютъ своихъ больныхъ и содѣйствуютъ распространенію эпидеміи. Но факты громко говорили за себя и краснорѣчиво опровергали ложное обвиненіе. При аллопатическомъ лѣченіи больные погибали, а при гомеопатическомъ выздоравливали; и съ тѣхъ поръ опытъ всѣхъ холерныхъ эпидемій, во всѣхъ странахъ, неизмѣнно показалъ, что изъ всѣхъ существующихъ способовъ лѣченія холеры ни одинъ не можетъ сравниться по своей успѣшности съ гомеопатическимъ; и такимъ образомъ, необычайно счастливые результаты гомеопатическаго лѣченія холеры, особливо въ Италіи, Австріи, Венгріи и Англіи завоевали методу Ганемана право гражданства въ европейскихъ государствахъ.

Въ 1830 г. Ганеманъ лишился жены, которая умерла, не дождавшись двухъ лѣтъ до 50-ти лѣтняго юбилея супружеской жизни. Эрнстъ фонъ-Брунновъ, опубликовавшій свои воспоминанія о Ганеманѣ, сообщаетъ, что жена его имѣла властолюбивый и безпокойный нравъ, что она дурно вліяла на характеръ своего супруга, способствуя отрѣшенію его отъ внѣшняго міра и возбуждая его противъ нѣкоторыхъ

изъ лучшихъ его учениковъ и послѣдователей, что она нерѣдко отравляла его существованіе ворчливостью и вспышками несдержаннаго темперамента, и называетъ ее „сварливою Ксантиппою“. Но другіе литературные источники не оправдываютъ этого сужденія и, наоборотъ, доставляютъ свидѣтельство, что Ганеманъ былъ счастливъ въ семейной жизни и нигдѣ и никогда не чувствовалъ себя такъ хорошо и спокойно, какъ дома, въ тѣсномъ кругу своей семьи. Въ женѣ своей онъ всегда находилъ вѣрнаго друга и неизмѣннаго спутника всѣхъ его странствій и тревоженій. Отказавшись отъ всякихъ свѣтскихъ удовольствій и житейской суеты, она всею душою предалась мужу и семьѣ, нерѣдко отдавала свои скромныя сбереженія на нужды дома и всецѣло была поглощена заботами о хозяйствѣ и воспитаніи одинадцати дѣтей, которыя всѣ получили хорошее образованіе, несмотря на скудность средствъ первыхъ лѣтъ супружества. Съ своей стороны дѣти питали къ матери самыя теплыя чувства любви, преданности и привязанности, и Ганеманъ неоднократно выражалъ глубокую благодарность женѣ, которая и сама умѣла выносить тяжелыя лишенія и въ немъ всегда поддерживала энергію и мужество въ години бѣдствій, преслѣдованій и душевныхъ бурь. Пройти такой длинный и тернистый путь съ такою твердостью и честью представляетъ высокій гражданскій подвигъ, достающійся въ удѣлъ немногимъ женщинамъ.

Послѣ смерти жены, Ганеманъ продолжалъ свой прежній образъ жизни, пользуясь нѣжнымъ попеченіемъ своихъ дочерей, которыя взяли на себя всѣ заботы о хозяйствѣ. Стеченіе же больныхъ къ нему со всѣхъ концовъ земли было настолько велико, что Ганеманъ одинъ съ ними не справлялся и долженъ былъ имѣть при себѣ помощника, каковымъ былъ сначала докторъ Мосдорфъ, женившійся на младшей дочери Ганемана Луизѣ, а впослѣдствіи докторъ Леманъ, пользовавшійся его особымъ расположеніемъ.

V.

Теперь мы подошли къ необыкновенному перелому въ жизни Кётенскаго мудреца.

Въ числѣ многочисленныхъ прїѣзжихъ, искавшихъ совѣта знаменитаго врача, въ концѣ 1834 г. или въ самомъ началѣ 1835 г. прїѣхала изъ Парижа въ Кётенъ M-lle Marie Mélanie d'Hervilly Gohier, прїемная дочь Louis Jérôme Gohier, бывшаго министра юстиціи и президента исполнительной директоріи Французской республики въ періодъ 18-го Брюмера (1790 г.). Ей было 35 лѣтъ, она была хороша собою, отлично образована и носила на себѣ печать несомнѣнной оригинальности: страстно любила верховую ѣзду, плаваніе, охоту и всякій спортъ; отлично владѣла огнестрѣльнымъ оружіемъ и имѣла коллекцію всевозможныхъ ружей; занималась живописью и литературою и, кажется, изучала медицину и анатомію. Длинный путь изъ Парижа въ Кётенъ она совершила въ мужскомъ костюмѣ, который долженъ былъ служить для нея гарантіею отъ навязчивыхъ преслѣдованій муштинъ. Во Франціи, говорятъ, дамы часто одѣвались въ мужское платье, когда отправлялись въ путешествіе или въ художественныя эскурсіи; но переодѣтая по-мужски туристка, конечно, не мало шокировала добрыхъ нѣмцевъ въ Кётенской гостинницѣ, гдѣ она остановилась. Переодѣвшись и принявши обычный видъ привлекательной парижанки, она собрала всѣ нужныя свѣдѣнія относительно образа

Домъ въ Кѣтешѣ, гдѣ жилъ Ганеманъ съ 1821 по 1835 г.
(съ фотографіи, снятой въ 1895 г.).

жизни и привычекъ Ганемана и тотчасъ направилась къ нему совѣтоваться о своемъ здоровьи. Какова была ея болѣзнь, мы не знаемъ; но предприимчивая иностранка почти ежедневно посѣщала Ганемана и, въ качествѣ пациентки, довѣряющейся своему врачу, открыла ему свои семейныя тайны, что, однако, не помѣшало ей настолько плѣнить его умъ и сердце, что онъ предложилъ ей бракъ, и она, повидимому, настолько поддалась обаянію личности замѣчательнаго старика, что преклонный возрастъ его не показался ей достаточною преградой, и она дала свое немедленное согласіе. 28 Января 1835 г. 80-ти лѣтній, но еще очень бодрый и моложавый Ганеманъ вступилъ во второй бракъ; а въ іюнѣ того же года, въ первый день Троицы, новобрачные покинули Кѣтенъ и перѣѣхали въ Парижъ. Но передъ отъѣздомъ Ганеманъ раздѣлилъ все свое состояніе между дѣтьми и написалъ нижеслѣдующее духовное завѣщаніе, которое интересно съ разныхъ сторонъ и поэтому приводится нами цѣликомъ:

„Во имя Господне!

„Я, — ниже сего и на всѣхъ страницахъ собственноручно подписавшійся надворный совѣтникъ герцогства Ангальтъ-Кѣтенъ и докторъ медицины Христіанъ Фридрихъ Самуилъ Ганеманъ, движимый желаніемъ прожить оставшіеся еще мнѣ дни моей жизни въ спокойствіи и ненарушимомъ мирѣ и устранить во всѣхъ отношеніяхъ, въ особенности же въ отношеніи моего наслѣдства, всѣ споры и пререканія между моими, — хотя еще 16 сентября 1834 г. составилъ духовное завѣщаніе, которое я и передалъ на храненіе почтеннѣйшему герцогскому Правительству здѣсь, а 17 февраля сего года почти все свое состояніе раздарилъ моимъ дѣтямъ, а также и внукамъ, изъ находящихся въ живыхъ, — тѣмъ не менѣе, по зрѣломъ обсужденіи, нашель, что именно изъ этихъ двухъ, отчасти противорѣчащихъ другъ другу и отмѣняющихъ одно другое распоряженій могутъ произойти ошибки и недоразумѣнія; и такъ какъ, кромѣ того, мои взгляды и выраженіе моей воли въ нѣкоторыхъ пунктахъ измѣнились, вслѣдствіе скоро предстоящаго моего путешествія въ Парижъ, относительно котораго я теперь еще не могу опредѣлить, когда именно я возвращусь, да и вообще возвращусь ли я когда нибудь сюда обратно, — то я симъ не только хочу отмѣнить мое упомянутое, теперь уже обратно полученное

духовное завѣщаніе и объявить таковое недѣйствительнымъ, но и распорядиться этимъ настоящимъ моимъ духовнымъ завѣщаніемъ какъ я желаю, чтобы, послѣ моей смерти, съ моимъ наслѣдствомъ поступили мои дѣти и мои внучата и прочіе.

„1. Прежде всего я предаю мою безсмертную душу милосердію Божіему, въ твердомъ упованіи, что этотъ Высшій Руководитель моею судьбою допуститъ ее къ участию въ Его небесномъ блаженствѣ, бранные же мои останки—моей нѣжно любимой и глубокоуважаемой супругѣ для погребенія на лично избранномъ ею мѣстѣ, и такимъ родомъ и образомъ, какъ она найдетъ это цѣлесообразнымъ, причемъ ни мои дѣти, ни кто нибудь иной не долженъ позволять себѣ дѣлать ей ни малѣйшихъ возраженій, а тѣмъ менѣе предписаній, и притомъ подъ опасеніемъ уменьшенія его доли до законной части, если на это осмѣлится кто нибудь изъ моихъ дѣтей.

„2. Единственными наслѣдниками всего моего состоянія, которое, кромѣ обоихъ моихъ домовъ съ принадлежностями, находящихся здѣсь, по Вальштрассе, нѣкоторыхъ драгоцѣнностей и прочей моей движимости, состоитъ немного болѣе чѣмъ изъ шестидесяти тысячъ талеровъ прусскими деньгами, я назначаю *titulo institutionis honorabili* всѣхъ моихъ дѣтей или внуковъ, равно какъ дѣтей, которыхъ я могу еще имѣть отъ настоящаго моего брака, въ равныхъ частяхъ, однако, съ соблюденіемъ содержащихся въ нижеслѣдующихъ параграфахъ болѣе подробныхъ распоряженій и условій.

„3. Какъ уже упомянуто, я 17 февраля сего года, посредствомъ дара, распредѣлилъ почти все свое состояніе между находящимися въ живыхъ и подарилъ каждому изъ моихъ дѣтей по шести тысячъ талеровъ прусскими деньгами съ соблюденіемъ распоряженій и условій, установленныхъ въ совершенной при этомъ дарственной записи. Эта дарственная запись, насколько она не измѣняется настоящимъ моимъ духовнымъ завѣщаніемъ, должна остаться, по крайней мѣрѣ теперь, въ силѣ; однако, я симъ положительно заявляю, что я не передалъ ее моимъ дѣтямъ для принятія, не желая связывать себѣ этимъ руки, вслѣдствіе чего она составляетъ не двухсторонній договоръ, но лишь одностороннее распоряженіе моимъ состояніемъ, которое я составилъ исклю-

чительно съ цѣлью предоставить моимъ дѣтямъ еще при жизни моей пособіе изъ моего состоянія; она, слѣдовательно, отнюдь не является неотмѣняемою и можетъ, во всякое время, по исключительному моему усмотрѣнію, быть измѣнена и отмѣнена.

„4. Если бы было доказано, что сынъ мой Фридрихъ скончался до моей смерти*), то на его мѣсто вступаетъ его дочь; но если бы и она скончалась ранѣе моей кончины, не оставивъ потомства, то эта наслѣдственная доля обращается въ наслѣдственную массу, равно какъ и доля всякаго, могущаго скончаться до моей смерти безъ потомства или назначеннаго наслѣдника.

„5. Въ качествѣ добавочнаго отказа, я завѣщаю принадлежащей къ моему наслѣдству домъ, дворъ и садъ, состоящія въ Кётенѣ, на Вальштрассе, подъ № 270, свободные отъ долговъ и ипотекъ, двумъ моимъ младшимъ дочерямъ, Шарлоттѣ и Луизѣ совмѣстно, такъ что онѣ могутъ принять его во владѣніе и собственность тотчасъ же послѣ моей смерти, не выплачивая за это ничего остальнымъ наслѣдникамъ. Равнымъ образомъ и дочь моя Амалія, такъ какъ она всегда любила меня съ дѣтскою почтительностью и нѣжностью, имѣеть, въ награду, унаслѣдовать послѣ моей кончины въ собственность, въ видѣ дополнительнаго отказа, домъ, дворъ и садъ, состоящія тамъ же, подъ № 296, со всѣми доходами и тяготами, свободные отъ долговъ и ипотекъ, и немедленно послѣ моей смерти вступить во владѣніе, не выплачивая за это ничего остальнымъ наслѣдникамъ; но въ случаѣ если бы дочь моя Элеонора, по мужу Вольфъ, осталась безъ супруга и пожелала бы жить въ Кётенѣ, то предоставить ей безвозмездно одну комнату въ этомъ домѣ для житья или, вмѣсто этой даровой квартиры (по выбору Амаліи), давать ей на наемъ двадцать талеровъ прусскими деньгами.

„6. Золотую табакерку, подаренную мнѣ блаженной памяти герцогомъ Фердинандомъ, съ брилліантовымъ шифромъ „Ф“, прежде всего долженъ получить находящійся въ отсут-

*) Фридрихъ Ганеманъ, старшій сынъ, былъ тоже практикующимъ врачомъ, но отличался чрезвычайною эксцентричностью характера и, женившись, покинулъ жену, семью и родину, уѣхалъ въ Англію и пропалъ безъ вѣсти.—Л. Б.

ствіи сынъ мой Фридрихъ, если онъ находится еще въ живыхъ; въ противномъ же случаѣ, такъ же какъ и прочее его наслѣдство, его дочь; равнымъ образомъ я, по большей части уже при жизни, распорядился и прочими моими цѣнными предметами и другимъ движимымъ имуществомъ и предоставилъ отдѣльнымъ наслѣдникамъ, посредствомъ даренія, то, что каждый долженъ получить изъ вещей, посуды, кроватей, одежды и т. д. Относящіяся до сего списки собственноручно мною подписаны и присоединены къ сему духовному завѣщанію, подъ лит. А. В. С. D. E. F. G. H.

„7. Въ виду дома, дополнительно отказаннаго моимъ обѣимъ младшимъ дочерямъ Шарлоттѣ и Луизѣ, и подаренныхъ имъ вещей, я хочу, если бы одна изъ нихъ скончалась ранѣе моей смерти, симъ безусловно замѣнить одну другою. Если же обѣ будутъ еще жить при моей смерти, то имъ предоставляется полное, свободное распоряженіе предназначенными имъ дополнительными отказами и подарками.

„8. Всѣ мои прочія вещи, относительно которыхъ я не распорядился въ настоящемъ духовномъ завѣщаніи и въ приложенныхъ къ таковому спискахъ, принадлежатъ (исключая тѣхъ, которыя я возьму съ собою при отъѣздѣ моемъ въ Парижъ) къ наслѣдственной массѣ, которую мои наслѣдники пусть раздѣляютъ равными частями миролюбиво. Все же, что я возьму съ собою въ Парижъ, не принадлежитъ къ наслѣдственной массѣ и этимъ я распоряжусь ниже сего.

„9. Изъ всего того, что поступило нѣкоторымъ изъ моихъ наслѣдниковъ въ качествѣ приданаго или подарка при жизни моей, они не должны ничего передавать.

„10. Всѣ записки, которыя найдутся послѣ моей смерти въ моихъ бумагахъ, моею собственною рукою написанныя и подписанныя, въ которыхъ я дополнительно распоряжаюсь тѣмъ или другимъ, или сдѣлалъ и назначилъ тому или другому отказъ деньгами или вещами, должны считаться дополненіями къ этому духовному завѣщанію и, въ отношеніи содержащихся въ нихъ распоряженій, имѣть такую же силу и быть настолько же обязательными для моихъ наслѣдниковъ, какъ и самое это мое духовное завѣщаніе.

„11. Я надѣюсь, что всѣ мои наслѣдники въ этихъ распоряженіяхъ признаютъ мою отеческую любовь, и нахожу въ этой надеждѣ успокоеніе, просвѣтляющее послѣдніе дни

моей жизни. Доля же того изъ моихъ наслѣдниковъ, который, противъ всякаго ожиданія, будетъ недоволенъ какимъ либо пунктомъ этого завѣщательнаго распоряженія и затѣялъ бы противъ такового процессъ, должна во всемъ быть уменьшена до законной части.

„12. Наконецъ, въ послѣднія мгновенія передъ моимъ отъѣздомъ въ Парижъ, гдѣ я вѣроятно останусь, для того, чтобы вдали отъ того мѣста, гдѣ я столько выстрадалъ со всѣхъ сторонъ, найти, наконецъ, у моей любимой супруги счастье и покой, въ чемъ мнѣ порукою желанный мой бракъ, я хочу, хотя я и въ правѣ дѣлать распоряженія вполнѣ по своему усмотрѣнiю, тѣмъ не менѣе изложить здѣсь мое настоящее положенiе. Заявляю поэтому, что я единственно для того, чтобы удовлетворить благородному желанiю моей любезной супруги (желанiю, которое свидѣтельствуеетъ о безпримѣрномъ безкорыстiи таковой), совершилъ даренiе моего состоянiя моимъ дѣтямъ. Благодаря именно ей, они теперь получили почти все мое состоянiе, которое я приобрѣталъ съ такимъ трудомъ, старанiемъ и усиленiемъ, хотя никогда не могъ имъ спокойно пользоваться. Я оставилъ себѣ только небольшой капиталъ въ 12.000 талеровъ. Посредствомъ этого духовнаго завѣщанiя я по отеческой моей справедливости раздѣлилъ и мое движимое и недвижимое имущество между моими дѣтьми. Вслѣдствiе сего я, по настоящему желанiю моей супруги, ничего не беру съ собою во Францiю, кромѣ моего носильнаго бѣлья, платья, лѣкарствъ и лишь нѣсколькихъ цѣнныхъ вещей, которыя мнѣ необходимо нужны, часовъ и перстня съ печатью.

„Мнѣ теперь 81-й годъ; я желаю, наконецъ, отдохнуть и прекратить мою врачебную практику, которая теперь становится для меня затруднительною. Вслѣдствiе сего я отказываюсь отъ всякаго увеличенiя состоянiя, отъ всякаго приобретенiя, въ чемъ я, послѣ достойнаго обезпеченiя моей семьи, болѣе не нуждаюсь. Глубоко проникнутый чувствомъ благодарности къ моей супругѣ, которая дѣлаетъ меня причастнымъ неоцѣнимаго счастья, которымъ я наслаждаюсь, и которая, вмѣстѣ съ тѣмъ; была причиною счастья всѣхъ моихъ дѣтей, такъ какъ она побудила меня распредѣлить между ними имущество, которое обезпечиваетъ имъ независимое существованiе, я, при такомъ положенiи дѣлъ, считаю своимъ

священнымъ долгомъ снова достаточнымъ образомъ озаботиться будущимъ спокойствіемъ этой любезной супруги.

„Для того, чтобы обезпечить ее отъ несправедливыхъ нападковъ со стороны членовъ моего многочисленнаго семейства, которые, не имѣя на то ни малѣйшаго права, движимые лишь заслуживающею наказанія злобою или низкою алчностью, заведутъ съ моею супругою ссору, предъявятъ къ ней искъ или начнутъ съ нею тяжбу или захотятъ ее беспокоить какимъ бы то ни было инымъ образомъ, я предписываю, чтобы она послѣ моей кончины получила въ собственность всѣ вещи безъ исключенія, которыя я беру съ собою въ нынѣшнее мое путешествіе или которыя я имѣю при себѣ. Я передаю ихъ ей въ неограниченное владѣніе и симъ безусловно запрещаю, чтобы была приложена печать въ ея домѣ, гдѣ я умру, чтобы была произведена опись, потребованъ отъ нея какого бы то ни было рода отчетъ, или предъявлено къ ней какое либо судебное требованіе; словомъ, я хочу, чтобы мое семейство оставило ее совершенно въ покоѣ, котораго моя супруга въ столь высокой степени заслуживаетъ своимъ благороднымъ поведеніемъ относительно его, такъ какъ и мое семейство не имѣетъ къ ней никакихъ требованій и, напротивъ того, должно было бы благословлять ея большое безкорыстіе. Я предписываю въ этомъ отношеніи, что если бы нашелся столь недостойный между моими дѣтьми, который, въ противность этой статьи моего духовнаго завѣщанія, сталъ бы беспокоить мою любезную супругу хотя бы самымъ малѣйшимъ образомъ, то чтобы доля таковаго, повторяю, немедленно была уменьшена до законной части и чтобы то, что у него было удержано въ наказаніе, было передано благотворительному заведенію. Но если бы нѣкоторые или всѣ мои наслѣдники позволили себѣ такого рода непослушаніе или неповиновеніе и, соединясь, стали бы, въ противность моимъ распоряженіямъ, беспокоить свою мачиху такимъ образомъ, то доли всѣхъ ихъ должны быть уменьшены до законной части моего наслѣдства. Въ этомъ случаѣ герцогское правитель-ство передастъ благотворительнымъ заведеніямъ, по своему выбору, то, чего нарушители изъ моихъ наслѣдниковъ лишились бы въ видѣ наказанія и такимъ образомъ потеряли.

„13. Если бы я прижилъ еще дѣтей отъ теперешняго мо-

его брака, то, само собою разумѣется, что такому ребенку или дѣтямъ принадлежатъ такія же наслѣдственныя права на мое состояніе, какъ и моимъ дѣтямъ отъ перваго брака.

„Въ заключеніе я прошу еще мое высшее начальство со-
благоволить озаботиться охраненіемъ сего моего духовнаго
завѣщанія въ всѣхъ отношеніяхъ.

„Въ удостовѣреніе чего я собственноручно подписался на
всѣхъ страницахъ и ниже сего и приложилъ свою обыкно-
венную печать.

„Подписано: Христіанъ Фридрихъ Самуиль Ганеманъ“.

Изъ этого завѣщанія видно, что Ганеманъ имѣлъ самое
искреннее намѣреніе совершенно оставить медицинскую прак-
тику и опочить отъ трудовъ своихъ, подтвержденіемъ чего
также служить приложенная къ завѣщанію опись подъ лит. G,
по которой онъ отдавалъ своей младшей дочери Луизѣ всѣ
журналы больныхъ, собственноручно имъ исписанные его тон-
кимъ и старательнымъ почеркомъ, всѣ портфели и папки съ
вклеенными письмами и всѣ большіе писанные регистры симп-
томовъ. Такіе журналы, какъ извѣстно, составляютъ необ-
ходимую настольную книгу для постоянныхъ справокъ каж-
даго практическаго врача. При такихъ условіяхъ и прини-
мая въ соображеніе, что M-lle Mélanie сама имѣла незави-
симое состояніе, можно было бы думать, что только что за-
ключенный неравный бракъ съ обѣихъ сторонъ не имѣлъ
никакихъ своекорыстныхъ цѣлей.

Однако, ближайшее будущее скоро показало обратную
сторону всего этого романтическаго эпизода въ жизни на-
шего героя.

Не успѣлъ онъ пріѣхать въ Парижъ, какъ супруга его,
пользуясь своими связями, выхлопотала ему у министра Гизо
право медицинской практики, которое и было ему да-
ровано правительственнымъ распоряженіемъ 21 августа
1835 г., и въ томъ же году она устремила старика въ самую
горячую и безотдыхную дѣятельность. Первоначальную квар-
тиру у Люксембургскаго парка она смѣнила на болѣе ро-
скошный отель въ Rue de Milan. Тутъ каждое утро, во всѣхъ
пріемныхъ комнатахъ и даже въ прихожей и на лѣстницѣ
толпились пациенты всѣхъ классовъ, возрастовъ и состояній,
жаждавшіе получить совѣтъ знаменитаго врача. Madame Nah-
petann дѣлала имъ предварительный допросъ, многимъ сама

давала совѣты и въ кабинетъ мужа допускала лишь тщательно ею избранныхъ. Послѣ утомительнаго утренняго приема, Ганеманъ, вопреки своему Кѣтенскому обычаю, садился въ экипажъ и вплоть до обѣда объѣзжалъ городскихъ пациентовъ; потомъ обѣдалъ, а послѣ обѣда выѣзжалъ съ женою въ оперу, театръ или на званые вечера, на которые его со всѣхъ сторонъ приглашали, какъ модную знаменитость. Имя его скоро прогремѣло на весь Парижъ, и гомеопатія, прежде лишь прозябавшая въ этой столицѣ, теперь сразу получила необычайное развитіе; возникли гомеопатическія общества, лѣчебницы, журналы и явились талантливые врачи. Въ выраженіяхъ внѣшняго почета и уваженія, конечно, недостатка не было. Галликанское Общество избрало его своимъ почетнымъ предсѣдателемъ; врачи-гомеопаты отчеканили въ честь его переселенія въ Парижъ медаль съ его изображеніемъ; извѣстный скульпторъ Давидъ сдѣлалъ его мраморный бюстъ; и каждое 10 апрѣля, день его рожденія, къ нему стекалась вся парижская знать и интеллигенція, представители искусства и литературы и многочисленные иностранцы, съ выраженіемъ своихъ поздравленій. Но эта новая жизнь была далека отъ того идеала, о которомъ мечталъ Ганеманъ въ Кѣтенѣ. вмѣсто обрѣтенія желаннаго покоя, онъ погрузился въ омутъ парижской профессиональной жизни и, согласно предначертанію Madame Hahnemann, превратился въ медицинскаго практика, зарабатывавшаго теперь для своей супруги по нѣсколько сотъ тысячъ франковъ въ годъ. Потребовались опять журналы больныхъ, которые Ганеманъ вытребовалъ обратно отъ своей дочери подъ торжественнымъ обѣщаніемъ вернуть ихъ, по минованію въ нихъ надобности. Неохотно разсталась съ ними г-жа Мосдорфъ, какъ бы чувствуя, что ей ихъ обратно не получить.

Въ Парижѣ, конечно, оскудѣла его прежняя плодотворная научная дѣятельность (онъ только пересмотрѣлъ и издалъ новое изданіе „Хроническихъ болѣзней“) и прекратился въ его лицѣ процессъ непрерывнаго до сихъ поръ совершенствованія новаго ученія, которое, къ счастью, было уже воспринято новыми и свѣжими силами во всѣхъ странахъ свѣта и поставлено на твердую почву новѣйшихъ успѣховъ научной медицины. Въ минуты своего досуга онъ постоянно встрѣчалъ самую нѣжную заботливость со стороны супруги, ко-

торая умѣла услаждать его послѣдніе годы и до конца его жизни пользовалась неограниченнымъ его довѣріемъ и любовью. Всѣ его парижскія письма дышуть нравственнымъ удовлетвореніемъ и счастьемъ. Въ угоду своей *Mélanie*, онъ даже отказался отъ куренія трубки, которая прежде не выпускалась имъ изо рта съ утра до вечера. Но въ этой необычной лихорадочной дѣятельности тратилось слишкомъ много нервной энергіи и силы, и здоровье его стало поддаваться подъ бременемъ лѣтъ и чрезмѣрныхъ трудовъ. Онъ сталъ похварывать; заболѣлъ сначала желчнымъ поносомъ, за которымъ послѣдовала перемежающаяся лихорадка, имѣвшая сначала трехдневный типъ, а потомъ перешедшая въ ежедневную и значительно ослабившая его силы. Тѣмъ не менѣе онъ оправился и, казалось, началъ совершенно выздоравливать; но тутъ онъ заболѣлъ старческимъ бронхитомъ, и 2 іюля 1843 г., въ воскресенье, въ 5 час. утра онъ испустилъ духъ на 89-мъ году жизни, сохранивши полное сознаніе до самой смерти. *Madame Nahpemann* неотлучно находилась при больномъ и принимала всѣ мѣры, чтобы не допускать къ нему не только постороннихъ, но и самыхъ близкихъ людей и даже врачей; и, не взирая на собственное желаніе старика еще разъ повидать свою любимую дочь *Амалію*, она не была къ нему допущена, хотя пріѣхала вмѣстѣ съ сыномъ за недѣлю до кончины отца; она добилась разрѣшенія присутствовать только лишь при самыхъ послѣднихъ минутахъ умирающаго. Соболѣзнованіе безчисленныхъ почитателей *Ганемана* со всѣхъ сторонъ было настолько искренне и велико, что нужно было бы ожидать грандіознѣйшей похоронной процессіи. Но *Madame Nahpemann* держала въ полнѣйшей тайнѣ день и часъ погребенія мужа. Тѣло было набальзамировано, и 11 іюля, въ 6-мъ часу дождливаго утра, во дворъ отеля *Ганемана* вѣхали простыя дроги, на которыя былъ положенъ простой гробъ и торопливо отвезенъ на *Монмартрское* кладбище, въ сопровожденіи вдовы, неутѣшной дочери и ея сына (впослѣдствіи *д-ра Süßs'a*) и молодого врача *Lethière'a*. Эти четверо были единственные провожавшіе покойника. Тѣло *Ганемана* было опущено въ старый склепъ, гдѣ ужé раньше были положены г-жею *Ганеманъ* два другихъ гроба; и послѣдніе останки великаго реформатора исчезли отъ людскихъ взоровъ безъ всякой похоронной процессіи, безъ погребальныхъ об-

рядовъ и безъ молитвенныхъ напутствій. Безсмертный основатель гомеопатіи преданъ землѣ, какъ бѣднѣйшій изъ смертныхъ, и до сихъ поръ не имѣетъ надъ могилою приличнаго памятника, для котораго онъ самъ себѣ завѣщаль надгробную надпись: „Non inutilis vixi“ (я прожилъ не напрасно), 28 іюля 1839 г. въ Парижѣ *).

Вдова Ганемана унаслѣдовала отъ него огромное состояніе, говорятъ, около 4 милліоновъ франковъ, которое поступило въ ея полную и нераздѣльную собственность, потому что по духовному завѣщанію все его скромное до-парижское состояніе отдавалось дочерямъ, все же пріобрѣтенное послѣ переѣзда въ Парижъ предусмотрительно предназначалось лишь одной вдовѣ, причемъ дочери не имѣли права заявлять претензіи на какую либо часть новаго наслѣдства, подъ страхомъ лишиться значительной доли имѣвшагося у нихъ состоянія. Теперь также становятся понятными тѣ строгости и угрозы, которыя Ганеманъ примѣнилъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи къ дѣтямъ. Онъ, бывший всегда воплощеніемъ доброты и любви къ своей семьѣ, самъ по себѣ едва ли могъ обречь своихъ дѣтей на самое жестокосердое наказаніе за малѣйшее изъявленіе желанія получить извѣстную часть отцовскаго состоянія. Madame Hahnemann знала, что разъ ей удастся переселить Ганемана въ Парижъ, то фортуна ея обезпечена; потому то ей и нужно было заручиться юридическою оградой противъ притязаній законныхъ наслѣдниковъ. Кромѣ того, у Madame Hahnemann остались на рукахъ рукописи Ганемана, въ томъ числѣ рукопись 6-го изданія „Органона“ и всѣ драгоцѣнные журналы больныхъ, которымъ, вѣроятно, никогда не будетъ суждено увидѣть свѣтъ, такъ какъ участь ихъ, послѣ смерти г-жи Ганеманъ, остается до

*) Очередной Интернаціональный Гомеопатическій Конгрессъ, собравшійся въ нынѣшнемъ (1896) году въ Лондонѣ и совпавшій съ годомъ празднованія столѣтія гомеопатіи, по предложенію автора настоящаго очерка, единогласно постановилъ воздвигнуть памятникъ на могилѣ Ганемана въ Парижѣ отъ его благодарныхъ учениковъ въ память столѣтняго существованія его ученія. Для разработки частныхъ и осуществленія постановленія Конгресса избранъ интернаціональный комитетъ, въ составъ котораго вошли: Предсѣдатель — Л. Бразоль (С.-Петербургъ), Секретарь — Д-ръ Cartier (Парижъ); члены: Доктора Hughes (Брайтонъ), Виллерсъ (Дрезденъ), Bushrod James (Филадельфія).

сихъ поръ неизвѣстною. А между тѣмъ, зная, съ какою тщательностью Ганеманъ допрашивалъ своихъ пациентовъ и записывалъ ихъ болѣзненные симптомы, и имѣя уже нѣсколько образцовъ необыкновенно поучительныхъ исторій болѣзни, сообщенныхъ имъ во 2-й части 3-го изданія „Чистаго Лѣкарствовѣдѣнія“, мы можемъ утвердительно сказать, что опубликованіе этихъ журналовъ составило бы весьма важный и интересный вкладъ въ гомеопатическую литературу. Тщетно собственница ихъ, г-жа Мосдорфъ, старалась получить обратно завѣщанныя ей книги: г-жа Ганеманъ отказалась ихъ возвратить. Господжѣ Ганеманъ неоднократно также предлагали уступить рукопись „Органона“ для изданія, но она запрашивала такую огромную сумму, которая была рѣшительно не подъ силу любому издателю и никакимъ образомъ не соответствовала стоимости предмета, а именно: какъ извѣстно, она послѣ смерти Ганемана продолжала вести его обширную медицинскую практику и не безуспѣшно; и вотъ, за уступку „Органона“ она требовала сумму, проценты съ которой позволили бы ей существовать безъ необходимости заниматься медицинскою практикою. Принимая ея заработокъ за 5000 р., самая скромная цифра требуемаго ею вознагражденія была бы 100000 р.

Внѣшніе знаки почтенія къ Ганеману и его ученію со стороны г-жи Ганеманъ исчезли тотчасъ послѣ того, какъ Ганеманъ закрылъ глаза; тотчасъ же и прекратились всѣ родственныя отношенія къ его семьѣ, въ которой она не принимала ни малѣйшаго участія. А когда къ ней однажды обратились съ просьбою оказать маленькую поддержку внуку Ганемана для окончанія имъ университетскаго образованія, она сухо и на отрѣзъ отказала съ примѣчаніемъ, что если у него не хватаетъ средствъ для образованія, то лучше ему сдѣлаться „сапожникомъ“. Она умерла въ 1878 г., въ Парижѣ, не оказавши уже лично ни малѣйшей доли пользы дѣлу распространенія гомеопатіи. Оказалось, увы, слишкомъ поздно, что все ея эксцентрическое путешествіе въ Кѣтенъ являлось лишь искусною спекуляціею на состояніе Ганемана и затѣмъ весьма умѣлою эксплуатаціею его огромной рабочей способности.

VI.

Таковъ былъ круговоротъ жизни Самуила Ганемана. Мы видѣли, что эта жизнь была непрерывная борьба сначала съ нищетою, а потомъ съ предрасудками, суевѣріемъ и злонамѣренностью его современниковъ. Китайское изреченіе говоритъ, что башни измѣряются ихъ тѣнью, а великіе люди ихъ клеветниками. Если это такъ, то Ганеманъ безспорно принадлежитъ къ числу величайшихъ людей всѣхъ временъ и народовъ, потому что едва ли кто либо изъ великихъ людей имѣлъ больше клеветниковъ, чѣмъ онъ. За невозможностью опровергнуть опытные основанія гомеопатіи, нашлись люди и, къ стыду медицинскаго сословія, врачи, мнившіе нанести смертельную рану гомеопатіи тѣмъ, что старались очернить моральную личность ея творца. Таковы: Симонъ, Гейнротъ, Бокъ, Мункъ, Каршъ, Риглеръ, Герднеръ и многіе другіе, имена которыхъ давно уже преданы забвенію и неизвѣстности. Они создали особый родъ весьма нечистоплотной медицинской литературы, въ которой, подъ видомъ „фактовъ“ и „писемъ“, приводились лживыя и вымышленныя свѣдѣнія изъ частной жизни Ганемана, лишеныя всякаго правдоподобія, часто не поддающіяся никакому подтвержденію или опроверженію, но большею частью явно носящія на себѣ характеръ злобнаго извѣта, наговора и клеветы. Оставивъ въ сторонѣ совершенно опровергнутую неправду и невывальщину изъ жизни нашего героя, коснемся здѣсь лишь

нѣкоторыхъ изъ тѣхъ обвиненій, которыя чаще всего повторялись противъ творца гомеопатіи.

Разсмотримъ прежде всего обвиненіе въ томъ, что Ганеманъ похитилъ свое ученіе у другихъ, особливо у Парацельса.

Гомеопатическій принципъ лѣченія имѣеть такую же древность происхожденія, какъ и два другіе принципа—аллопатическій и антипатическій; и правило *similia similibus*—подобное подобнымъ—встрѣчается уже у древнѣйшихъ авторовъ, какъ-то: во многихъ мѣстахъ у Гиппократы, Никандера, Цельса, Базилія Валентина, даже у родоначальника аллопатической медицины—Клавдія Галена, а въ 16 и 17 вѣкѣ вопросъ о томъ, какъ лучше лѣчить болѣзни, противоположно-или подобно-дѣйствующими средствами, возбуждался очень часто, и принципъ подобія находилъ своихъ защитниковъ въ лицѣ Флеминга, Румеля, Штала, Штѣрка, Парацельса, Гѣнтера, Дженнера и др. Но гомеопатія Ганемана существенно отличалась отъ гомеопатіи прежнихъ авторовъ, какъ въ самомъ понятіи, такъ и въ осуществленіи принципа подобія. У прежнихъ авторовъ подобіе между проявленіемъ болѣзни и дѣйствіемъ лѣкарства выражалось въ весьма грубой и чисто внѣшней формѣ. Напримѣръ, въ фармакологическомъ арсеналѣ золото называлось солнцемъ, а въ организмѣ человѣка солнцемъ считалось сердце: поэтому—подобное подобнымъ—золото будетъ цѣлительно противъ болѣзни сердца; сокъ *Chelidonii majoris* имѣеть желтый цвѣтъ, желчь тоже имѣеть желтый цвѣтъ; подобное излѣчивается подобнымъ; значитъ, *Chelidonium* есть лѣкарство противъ желчныхъ болѣзней. Сокъ *hyperici perfoliati* имѣеть красный цвѣтъ; значитъ, *hypericum* будетъ лѣкарствомъ противъ кровотеченій. Доктрина сигнатуръ, поддерживаемая между прочимъ и Парацельсомъ, пользовалась большимъ распространеніемъ и заключалась въ томъ, что растенія, имѣющія извѣстное наружное сходство по формѣ или строенію съ тѣми или другими органами человѣческаго тѣла, должны быть цѣлительными средствами противъ болѣзней этихъ органовъ. Вскрытый волошскій орѣхъ имѣеть два полушарія, на поверхности которыхъ находятся борозды и извилины, представляющія сходство съ мозгомъ; значитъ, волошскій орѣхъ долженъ быть лѣкарствомъ противъ мозговыхъ болѣзней. *Euphrasia*, имѣющая отдаленное сходство

съ радужною оболочкою глаза, должна быть полезна противъ глазныхъ болѣзней. *Lichen pulmonarius*, имѣющій сходство съ легкимъ, долженъ быть полезенъ въ легочныхъ болѣзняхъ. *Atropa mandragora*, имѣющая отдаленное сходство съ человѣческою фигуркою, должна быть цѣлебныхъ средствомъ противъ бесплодія. Также органы животныхъ должны быть цѣлительны противъ болѣзней подобныхъ же органовъ у человѣка; легкія лисицы (*Pulmo Vulpis*) должны излѣчивать легочныя заболѣванія человѣка, и т. д. въ этомъ родѣ. Всѣ эти проблески позднѣйшей научной гомеопатіи являлись какъ бы бессознательнымъ протестомъ противъ мнѣнія, что цѣлительныя свойства лѣкарственныхъ веществъ могутъ быть познаваемы только апостеріорно, изъ экспериментовъ надъ больными. Они служатъ выраженіемъ какого то смутнаго броженія медицинской мысли и безотчетнаго предчувствія, что лѣкарственныя вещества такъ или иначе должны давать апіорныя указанія на ихъ цѣлительныя свойства. Но элементовъ истинной научной гомеопатіи они не содержатъ, и ни у одного изъ прежнихъ авторовъ, не выключая и Парацельса, нѣтъ и попытки построенія гомеопатическаго принципа лѣченія на изученіи патогенетическаго дѣйствія лѣкарствъ. Тѣмъ не менѣе возможно, что эти полу-суевѣрные намеки на гомеопатію, быть можетъ, подготовили глубоко-мысленный умъ Ганемана къ уразумѣнію и открытію общаго закона лѣченія. И здѣсь намъ важно лишь показать, что Ганеманъ отнюдь не думалъ присвоивать себѣ первенство и оригинальность открытія идеи лѣчить подобное подобнымъ. Напротивъ, онъ прямо начинаетъ предисловіе „Органона“ съ указанія на то, что этотъ гомеопатическій принципъ существовалъ и примѣнялся во всѣ времена и во всѣ періоды медицины; потомъ онъ самъ приводитъ подавляющую массу примѣровъ бессознательнаго гомеопатическаго лѣченія изъ практики прежнихъ врачей и называетъ нѣсколькихъ авторовъ, предчувствовавшихъ гомеопатическій принципъ. Въ числѣ этихъ авторовъ, правда, имя Парацельса не упоминается, хотя этого ученаго тоже встрѣчаются многочисленные намеки на гомеопатію. Но дѣло въ томъ, что въ то время Парацельсъ не пользовался почетомъ и уваженіемъ въ наукѣ, а слылъ больше за искателя золота, теософа, каббалиста, астролога, алхимика, мистика, мага и чародѣя.

Сочиненія его начали изучаться позднѣе; но критики его и толкователи до сихъ поръ находятся между собою въ непримиримомъ противорѣчїи, причемъ одно изъ главныхъ препятствїй ко взаимному соглашенїю кроется въ литературномъ стилѣ Парацельса. Онъ писалъ такимъ запутаннымъ и непонятнымъ языкомъ и имѣлъ такой своеобразный и необъяснимый лексиконъ словъ и условныхъ названїй, что во многихъ случаяхъ правильное пониманїе его мысли чрезвычайно затруднительно и находится въ полной зависимости отъ произвола, взгляда или личнаго мнѣнїя переводчика или комментатора. Кромѣ того онъ, вѣроятно, диктовалъ свои сочиненія или поручалъ ихъ переписку совершенно безграмотному переписчику, потому что во многихъ случаяхъ мы находимъ лишь наборъ словъ безъ всякаго смысла. Потому то и тѣ мѣста, которыя содержатъ въ себѣ указанїя на гомеопатическїй принципъ, подлежатъ весьма различному толкованїю, и лучший знатокъ и апологетъ Парацельса — Радемахеръ — объясняетъ ихъ въ совершенно другомъ смыслѣ, несогласномъ съ ученїемъ Ганемана. Во всякомъ случаѣ, изъ отсутствїя ссылки на Парацельса у Ганемана отнюдь нельзя дѣлать вывода, что Ганеманъ тайно заимствовалъ свое ученїе у Парацельса. Ганеманъ точно также не упоминаетъ объ Аристотелѣ, Гѣнтерѣ, Декартѣ, Биша и мн. др., выражавшихъ болѣе или менѣе ясно сознанїе гомеопатической идеи; перечислить ихъ всѣхъ было бы невозможно и бесполезно. Совершенно достаточно, что онъ опредѣленно указываетъ на Гиппократѣ, Бульдюка, Детардинга, Майора, Бренделюса, Данквертса, Бертолона, Тура, Штѣрка и особливо Шталя, и при этомъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчанїе: „я „привожу эти выдержки изъ сочиненїй писателей, предчувствовавшихъ гомеопатїю, не въ качествѣ доказательствъ „основательности этого ученїя, которое само по себѣ твердо „установлено, но чтобы избѣгнуть упрека въ томъ, будто я „умолчалъ объ этихъ предугадыванїяхъ съ цѣлью обезпечить за собою первенство этой идеи“. Изъ этихъ словъ ясно видно, что о присвоенїи Ганеманомъ чужого открытїя не можетъ быть и рѣчи; онъ только указывалъ, что „если иногда какой нибудь мудрецъ осмѣливался предлагать нѣчто подобное *similia similibus*, то на это никто не обращалъ вниманїя“; а также онъ имѣлъ полное основанїе говорить, что

*

„никто донинѣ не преподавалъ этого гомеопатическаго способа лѣченія“, „никто его не разрабатывалъ“ (курсивъ Ганемана).

Такимъ образомъ несомнѣнно, что лѣченіе подобнаго подобнымъ практиковалось уже задолго до Ганемана, какъ равно и яблоки падали съ яблонь задолго до Ньютона. Но нужно было быть Ньютономъ, чтобы изъ простаго факта паденія яблока открыть всеобщій законъ тяготѣнія. Точно такъ нужно было быть Ганеманомъ, чтобы изъ единичныхъ случаевъ излѣченія подобнаго подобнымъ открыть и установить индуктивный законъ подобія. Великія идеи всегда имѣютъ своихъ предвѣстниковъ и великіе изобрѣтатели всегда имѣютъ своихъ предшественниковъ. Многіе ученые уже смутно сознавали существованіе гомеопатическаго принципа въ природѣ, но Ганеману одному и первому принадлежитъ заслуга ясной и глубокой оцѣнки гомеопатической идеи и воздвиженія этой идеи на степень строго научнаго индуктивнаго закона.

Второе обвиненіе, требующее съ нашей стороны разясненія и оправданія, касается алчности, приписываемой Ганеману, въ доказательство чего ссылаются главнымъ образомъ на слѣдующіе факты: 1) онъ стремился извлечь выгоды изъ открытія имъ предохранительнаго средства противъ скарлатины; 2) онъ за большія деньги продавалъ какое то открытое имъ средство, которое оказалось просто бурою; и 3) онъ бралъ большіе гонорары за лѣченіе больныхъ.

Исторію открытія белладонны, какъ предохранительнаго средства противъ скарлатины, мы уже знаемъ. Онъ хотѣлъ возбудить интересъ своихъ товарищей къ испытанію предохранительнаго свойства белладонны въ скарлатинѣ, но опасался, — и справедливо, — чтобы кажущаяся парадоксальность дѣйствія такого простаго средства и притомъ въ непривычно малой дозѣ не вызвала предубѣжденія со стороны врачей и предвзятаго отверженія его безъ испытанія. Поэтому онъ думалъ и надѣялся, что предварительная бесплатная раздача предлагаемаго средства всѣмъ подписчикамъ его брошюры послужила бы гарантіею провѣрки его собственныхъ наблюденій; онъ просилъ сообщенія результатовъ, а изданіе брошюры съ названіемъ открытаго средства должно было послѣдовать позднѣе. Когда же онъ увидѣлъ недоброжелательность своихъ товарищей, онъ отказался отъ своего плана и тотчасъ

опубликовалъ свое открытіе, отказавшись отъ извлеченія изъ него какихъ бы то ни было выгодъ. Слѣдовательно, этотъ эпизодъ нисколько не доказываетъ алчности Ганемана. Вообще каждый, сколько нибудь знакомый съ дѣятельностью Ганемана изъ первороднаго источника, т. е., изъ его собственныхъ сочиненій, долженъ прійти къ твердому убѣжденію, что Ганемана менѣе всего можно упрекать въ желаніи дѣлать тайну изъ своихъ открытій. Наоборотъ, каждое свое наблюденіе, клонившееся къ усовершенствованію медицинскаго искусства, онъ тотчасъ безкорыстно передавалъ во всеобщее свѣдѣніе, сообщая безъ утайки всѣ малѣйшія подробности относительно способа приготовленія и назначенія открываемыхъ имъ лѣкарственныхъ средствъ.

Исторія съ бурою еще проще. Она относится къ періоду времени между 1786 и 1790 г., когда Ганеманъ, усердно занимаясь химією, сдѣлалъ много важныхъ открытій въ этой области. Но химія находилась въ состояніи большого несовершенства и лучшіе химики того времени, каковы Клапротъ, Прустъ, Рупрехтъ, Троммсдорфъ, постоянно впадали въ грубыя ошибки, происходившія съ одной стороны отъ неудовлетворительности методовъ изслѣдованія, а съ другой стороны отъ чрезвычайной нечистоты химическихъ препаратовъ. И вотъ въ это время, когда химія сама по себѣ являлась какъ бы рядомъ ошибокъ и недоразумѣній, Ганеманъ однажды впалъ въ такую же химическую ошибку; онъ нашелъ какую то щелочь, имѣвшую свойство разбухать при накаливаніи и которую онъ назвалъ *alkali pneum.* Считаая это вещество за нѣчто новое, онъ, по обычаю того времени, при посредствѣ комиссіонера, пустилъ его въ продажу. Но при дальнѣйшемъ изслѣдованіи со стороны другихъ химиковъ это вещество оказалось просто бурою. Такой промахъ теперь, конечно, показывается страннымъ; но нужно помнить, что въ то время свойства и составъ буры не были еще вполне извѣстны, и химики много спорили объ ея составныхъ частяхъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ даже думали, что борная кислота состоитъ изъ фосфорной кислоты. Какъ только Ганеману раскрыли его погрѣшность, онъ тотчасъ сознался въ своемъ заблужденіи и совершенно просто и чистосердечно самъ разъяснилъ въ химическихъ журналахъ источникъ ошибки и причины, приведшія его къ заключенію объ отличіи найденнаго

вещества отъ обыкновенной буры, заявивъ при томъ, что всѣ вырученныя отъ продажи этого средства деньги возвращаются обратно. Тѣмъ не менѣе аптекаръ Тромсдорфъ, не дождавшись объясненія Ганемана, весьма неколлегиально напалъ на него въ ежедневной литературной газетѣ (der Reichsanzeiger), назвавъ его ошибку „безпримѣрною наглостью“, вслѣдствіе чего редакторъ одного химическаго журнала, профессоръ Шереръ, даже счелъ долгомъ выступить въ защиту Ганемана и говорить: „д-ръ Ганеманъ честный и правдивый человѣкъ, что можетъ удостовѣрить каждый, кто его знаетъ, какъ я; и онъ по истинѣ былъ бы не способенъ на такое шарлатанство, чтобы продавать простую буру за какое то новое вещество“. Такимъ образомъ и этотъ эпизодъ нисколько не можетъ служить поводомъ къ обвиненію Ганемана въ алчности.

Наконецъ, ему ставилось въ вину его обыкновеніе требовать вознагражденіе съ пациентовъ за лѣченіе. Если это есть вина, то обвиненіе справедливо. Мы знаемъ, что Ганеманъ имѣлъ доброе и сострадательное сердце и что онъ весьма часто пользовалъ совершенно безвозмездно бѣдныхъ и немощныхъ; но онъ отказывался служить жертвою эксплуатаціи людей богатыхъ и состоятельныхъ. Пройдя самъ длинную и тяжелую школу нужды и лишеній и находясь нерѣдко въ положеніи настоящей нищеты, онъ не могъ отдавать свои услуги безвозмездно всѣмъ и каждому и, собственно говоря, даже не имѣлъ нравственнаго права отказываться отъ медицинскаго гонорара въ то время, когда многочисленная семья его находилась въ буквальный смыслѣ безъ „насушнаго хлѣба“. Кромѣ того, будучи весьма высокаго мнѣнія о достоинствѣ и пользѣ своего искусства для больныхъ и требуя вознагражденія съ тѣхъ, кто въ состояніи платить, онъ не только заботился о своемъ личномъ законномъ заработкѣ, но еще ревниво охранялъ справедливые интересы своего сословія и въ этомъ отношеніи находился въ совершенномъ согласіи съ духомъ современныхъ кодексовъ врачебной этики, на основаніи которыхъ время, знаніе и трудъ врача, какъ и всякаго другого специалиста, должны быть оплачиваемы, при чемъ существующія въ настоящее время общества для охраненія врачебныхъ интересовъ даже осуждаютъ безвозмездное пользованіе врачомъ людей состоятельныхъ, какъ посягательство

на уменьшеніе тѣхъ доходовъ, которые должны составлять неотъемлемую принадлежность медицинско́й корпораціи.— Такъ или иначе, фактъ вѣренъ, что Ганеманъ требовалъ съ больныхъ гонорара за лѣченіе и за письменные совѣты; но что гонорары эти не были чрезмѣрными, видно изъ того, что не взирая на обширную медицинскую практику и на крайнюю умѣренность и расчетливость въ образѣ жизни, все его состояніе до переѣзда въ Парижъ, пріобрѣтенное трудомъ почти 50-ти лѣтней практики, составляло вмѣстѣ съ двумя небольшими домами въ Кѣтенѣ приблизительно 70.000 талеровъ, т. е., не болѣе того, что въ настоящее время зарабатываютъ медицинскія знаменитости въ теченіе одного года. Уже однимъ этимъ фактомъ опровергается обвиненіе Ганемана въ алчности.

Наконецъ, можно часто встрѣтить обвиненіе, будто Ганеманъ своими рѣзкими и несдержанными нападками на современную ему медицину самъ возбудилъ противъ себя ненависть и злобу своихъ товарищей. Если бы даже такое объясненіе было вѣрно, то оно нисколько не оправдывало бы тѣхъ жестокихъ гоненій и безпримѣрныхъ преслѣдованій, которыя выпали на долю этого мученика. Но дѣло въ томъ, что такое оправданіе содѣяннаго ему зла прямо грѣшитъ противъ исторической правды. Всѣ раннія медицинскія статьи Ганемана и первоначальныя его возвѣщенія гомеопатическаго способа лѣченія написаны въ самомъ спокойномъ, серьезномъ и объективномъ духѣ и не содержатъ ни одного неумѣрнаго выраженія, ни одного неумѣстнаго слова и вообще ни малѣйшаго слѣда страстности или полемическаго задора. Напротивъ, онѣ дышуть любовью и почтительностью къ своимъ товарищамъ и проникнуты удивительною скромностью истиннаго ученаго, какъ будто не сознающаго, что онъ на пути къ познанію величайшей истины, когда либо открытой въ медицинѣ. Онъ обращался къ своимъ товарищамъ съ самымъ искреннимъ увѣщеваніемъ вникнуть въ чрезвычайное значеніе гомеопатической идеи и испытать на дѣлѣ практическое достоинство непризнаннаго принципа. И что же онъ встрѣтилъ въ отвѣтъ? Самое грубое издѣвательство, осмѣяніе, оскорбительное перетолкованіе мотивовъ его дѣятельности и ученія, личныя инсинуаціи и, наконецъ, систематическую травлю изъ города въ городъ и лишеніе права свободной и добросовѣстной практики согласно своимъ убѣжде-

ніямъ. До изгнанія изъ Кёнигслюттера мы видимъ въ Ганеманѣ лишь природную доброту и мягкость характера; послѣ же постигшаго его гоненія и послѣдовавшаго затѣмъ цѣлаго нескончаемаго ряда нравственныхъ и матеріальныхъ преслѣдованій, онъ мало по малу становился болѣе рѣзкимъ и раздражительнымъ; разоблаченія его всей дикости и ненаучности медицины стали проникаться сначала горькою ироніею, а затѣмъ мало по малу уже перешли въ безпощадный и ядовитѣйшій сарказмъ; и, наконецъ, онъ сдѣлался уже совершенно нетерпимымъ къ своимъ противникамъ и въ высшей степени догматическимъ и деспотическимъ въ своихъ мнѣніяхъ и сужденіяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не отвергая факта, что позднѣйшія статьи Ганемана были полны желчи и отравы, необходимо обратить особенное вниманіе на то, что, не взирая на всѣ грубыя и необузданныя поруганія, которымъ онъ подвергался, онъ самъ съ великолѣпнымъ презрѣніемъ относился къ клеветѣ и брани своихъ враговъ и никогда не задѣвалъ личности своихъ противниковъ, ограничиваясь лишь болѣе или менѣе страстною защитою или опроверженіемъ затрогиваемыхъ вопросовъ по существу дѣла, но никогда не позволяя себѣ переходить на личную почву перебранки. И эта черта, достойная всяческаго уваженія, заслуживаетъ подражанія всѣмъ прежнимъ, настоящимъ и будущимъ критикамъ гомеопатіи. Поэтому, читая его ѣдкія сатиры на псевдо-научность медицины его времени, необходимо помнить, что онѣ являлись лишь отвѣтомъ на долготѣнія поруганія и обиды со стороны его враговъ; и при такихъ условіяхъ, какъ можно было бы ожидать или требовать отъ него евангельской кротости и терпѣнія? Такая добродѣтель, увы, не свойственна человѣческой природѣ и достается лишь въ удѣлъ такимъ избранникамъ, которые церковью причисляются къ лику святыхъ. Ганеманъ же былъ человѣкъ изъ плоти и крови, съ человѣческими страстями и недостатками; и покорное смиреніе къ своимъ поносителямъ было выше человѣческихъ силъ и, въ его положеніи, даже могло бы прямо показаться трусливымъ низкопоклонствомъ.

Взвѣсивши вышеприведенныя обстоятельства pro и contra, можно, по истинѣ, сказать, что обвиненія противъ личности Ганемана большею частью несправедливы или преувеличены и, во многихъ случаяхъ, при ближайшемъ и безпристрастномъ

дознаніи, обращаются даже въ пользу обвиняемаго. Нѣкоторые же, дѣйствительно, присущіе ему недостатки совершенно ничтожны сравнительно съ неотъемлемыми моральными достоинствами его характера. Такъ, напримѣръ, безусловнаго уваженія со стороны друзей и недруговъ заслуживаетъ его желѣзная энергія въ достиженіи намѣченной цѣли, не взирая на всѣ препятствія и затрудненія. Эта черта характера уже въ полной мѣрѣ проявляется у Ганемана-мальчика, когда онъ, вопреки желанію отца, предается классическому образованію и проводитъ ночи за книгами и уроками; она же не покидаетъ его, студента медика, днемъ слушающаго лекціи и дающаго уроки, а ночью зарабатывающаго средства къ жизни переводами; и та же самая непреклонная настойчивость ведетъ его черезъ всю жизненную арену къ непрестанному испытанію на самомъ себѣ и на другихъ фізіологическаго дѣйствія лѣкарствъ, къ усовершенствованію искусства лѣченія и къ открытію и провозглашенію научной истины, не взирая на бѣдность и несмотря ни на какія насмѣшки, преслѣдованія и поношенія.

Вторая черта, плѣняющая каждаго при изученіи характера Ганемана, это его прямота и неподкупная честность убѣжденных. Когда онъ потерялъ вѣру въ медицину, онъ ни на минуту не задумался совершенно покинуть практику, которая во всякомъ случаѣ, доставляла бы ему лучшія средства къ существованію и прокормленію семьи, чѣмъ неблагодарный и скудно оплачиваемый трудъ переводовъ и химическихъ работъ. Но онъ не могъ кривить душой и отказался отъ заработка, достающагося цѣною насилія надъ своею совѣстью. Потомъ, когда онъ открылъ принципъ нахождения въ каждомъ лѣкарственномъ веществѣ его цѣлительныхъ свойствъ и увидѣлъ свѣтъ закона подобія, освѣщающаго путь къ сознательному лѣченію болѣзней, и когда онъ снова возвратился въ лоно медицинской практики и, благодаря своему искусству, началъ уже приобретать матеріальное обезпеченіе, онъ въ угоду своимъ врагамъ опять не захотѣлъ ни на волосъ отступить отъ своихъ убѣждений и не пошелъ въ обходъ закона, а также отказался отъ постыдной сдѣлки съ аптекарями. Онъ очень легко могъ бы тайно отпускать свои лѣкарства, еще легче могъ бы найти подставнаго аптекаря для отпуска требуемыхъ ему лѣкарствъ; но такой способъ дѣй-

ствія былъ противень чувству его совѣсти и уваженія къ закону, и онъ обрекъ себя на изгнаніе и непрерывныя матеріальныя лишенія.

По отношенію къ трудолюбію и умственной плодовитости Ганеманъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди старыхъ и новыхъ медицинскихъ авторовъ. Его дѣтскіе и юношескіе годы проведены въ неусыпномъ трудѣ для изученія новыхъ и древнихъ языковъ и для пріобрѣтенія общаго образованія, которое было у него далеко выше средняго уровня: будучи совершеннымъ классикомъ и образцовымъ медикомъ, онъ кромѣ того имѣлъ основательныя познанія въ химіи, ботаникѣ, астрономіи, метеорологіи и географіи. Въ зрѣломъ же и старческомъ возрастѣ, будучи обремененъ огромною медицинскою практикою и обширною корреспонденціею, онъ находилъ время и возможность неослабно трудиться для науки и притомъ въ такой мѣрѣ, которая лучше всего можетъ быть оцѣнена практическими врачами, по личному опыту знающими, какъ утомительна медицинская практика и какъ невыгодно она отражается на ихъ литературно-научной дѣятельности. Изъ нижеприлагаемаго списка сочиненій Ганемана видно, что онъ перевелъ болѣе 20 сочиненій по химіи, медицинѣ и литературѣ и написалъ болѣе 70 оригинальныхъ химическихъ и медицинскихъ статей и работъ, изъ которыхъ нѣкоторыя занимаютъ по нѣскольку томовъ. Переводныя его работы имѣютъ интересное значеніе не только какъ простые переводы, но главнымъ образомъ потому, что они снабжены его многочисленными примѣчаніями и дополненіями, въ которыхъ вездѣ обнаруживается критическое отношеніе къ предмету знатока и специалиста и нерѣдко приводятся его собственные подтверждающіе или опровергающіе опыты и наблюденія, имѣющія во многихъ случаяхъ болшую цѣну, чѣмъ содержаніе переводимаго оригинала. Въ числѣ же его оригинальныхъ работъ, кромѣ весьма важныхъ химическихъ открытій, достаточно назвать „Органонъ врачебнаго искусства“, пошатнувшій всѣ основы средневѣковой медицины, и затѣмъ „Чистое Лѣкарствовѣденіе“ съ „Хроническими болѣзнями“, въ которыхъ включены результаты его многолѣтнихъ экспериментовъ и наблюденій надъ болѣзнетворнымъ дѣйствіемъ почти цѣлой сотни лѣкарственныхъ веществъ, частью совершенно новыхъ и до

тѣхъ поръ неизвѣстныхъ въ медицинѣ, частью же старыхъ и уже извѣстныхъ, но съ совершенно новыми показаніями къ ихъ употребленію. Эти эксперименты или „испытанія“ произведены имъ на самомъ себѣ и на другихъ здоровыхъ людяхъ и являются безпримѣрнымъ въ исторіи подвигомъ человѣческаго самоотверженія и идеально-безкорыстнаго служенія наукѣ и составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчный и нерукотворный памятникъ энергіи, добросовѣстности, трудолюбія и славы Ганемана.

Ганеманъ былъ рѣдкій семьянинъ, нѣжно любящій супругъ и заботливый отецъ. Люди, знавшіе его близко, съ особенною любовью описываютъ его семейно-патріархальную жизнь. Мы имѣемъ два такихъ описанія, принадлежащія двумъ его ближайшимъ друзьямъ и ученикамъ, фонъ-Брунову и Ф. Гартману, и относящіяся къ его Лейпцигскому періоду (1811—1821).—Его пріемные часы были отъ 9 до 12 утра и отъ 2 до 4 дня. Послѣ утренняго пріема онъ обѣдалъ, а по окончаніи послѣобѣденнаго пріема онъ съ женою и дочерьми во всякую погоду прогуливался по городу около часу. Потомъ занимался въ кабинетѣ, а вечеромъ отъ 8 до 10 проводилъ въ кругу семьи и учениковъ. Бруновъ сообщаетъ слѣдующее:

„Ганеману тогда было 62 года. Серебристые кудри окаймляли высокое задумчивое чело, изъ подъ котораго сверкали умные, пронизательные глаза. Все лицо имѣло спокойно-пытливое, величественное выраженіе; тонкій юморъ лишь изрѣдка смѣнялъ глубокую серьезность, свидѣтельствовавшую о перенесенныхъ имъ страданіяхъ и борьбѣ. Онъ держался прямо, имѣлъ твердую походку и былъ такъ ловокъ въ своихъ движеніяхъ, какъ бы ему было 30 лѣтъ. Когда онъ выходилъ изъ дому, то надѣвалъ совершенно простой темный полукафтанъ, короткія панталоны и сапоги. У себя же онъ любилъ домашній пестрый халатъ, желтыя туфли и черную бархатную ермолку. Онъ рѣдко выпускалъ изъ рукъ длинную трубку, и это куреніе табаку было единственнымъ отступленіемъ отъ строгой діеты, которой онъ придерживался. Онъ пилъ воду, молоко и бѣлое пиво и былъ въ высшей степени умѣренъ въ пищѣ. Такою же простотою, какъ и одежда и пища, отличалась и вся его домашняя обстановка. Вмѣсто письменнаго стола, у него былъ

совершенно простой, большой четырехугольный столъ, на которомъ всегда лежало 3—4 огромныхъ фоліанта, куда онъ вносилъ исторіи болѣзней своихъ пациентовъ и въ которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе, во время распросовъ, наводить усердныя справки и дѣлать письменныя замѣтки; ибо изслѣдованіе больнаго производилось имъ въ высшей степени подробно и внимательно, по тому образцу, который онъ приводитъ въ Органонѣ. — Ганеманъ принялъ меня какъ нельзя болѣе привѣтливо и мы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сближались. . . . Чувства уваженія и благодарности одинаково сильно привязывали меня къ нему; и я никогда не забуду добро, которое онъ мнѣ сдѣлалъ. . . .

„Домъ Ганемана отличался очень своеобразною дѣятельностію. Члены семьи и академическіе слушатели жили и работали только ради одной идеи — гомеопатіи, для которой каждый изъ нихъ трудился, какъ умѣлъ. Четыре взрослыя дочери помогали отцу въ приготовленіи лѣкарственныхъ веществъ. Еще болѣе дѣятельное участіе принимали въ этомъ преданные реформатору студенты, имена которыхъ тщательно отмѣчались въ отдѣльныхъ наблюденіяхъ „Чистаго Лѣкарствовѣдѣнія“ и сохранились еще и до сихъ поръ.

„Пациенты восторженно превозносили великіе успѣхи гомеопатіи и дѣлались апостолами распространенія новаго ученія среди невѣрующихъ

. . . .“ Окончивъ дневную работу, Ганеманъ имѣлъ обыкновеніе отдыхать съ 8 до 10 часовъ, бесѣдуя въ дружескомъ кругу. Тогда всѣ друзья и ученики имѣли къ нему доступъ и за трубкою табаку и лейпцигскимъ бѣлымъ пивомъ чувствовали себя веселыми и довольными. Старый эскулапъ сидѣлъ среди внимавшаго ему кружка, въ своемъ покойномъ креслѣ, въ вышеописанномъ домашнемъ одѣяніи, съ длинною турецкою трубкою въ рукѣ, и передавалъ то веселые, то серьезные рассказы изъ своей бурной жизни, распространяя вокругъ себя густыя облака дыма. На ряду съ естественными науками и положеніе иноземныхъ народовъ часто было предметомъ этихъ вечернихъ бесѣдъ. Ганеманъ имѣлъ особенное пристрастіе къ Китайцамъ, а именно потому, что у нихъ особенно строго соблюдалось безпрекословное повиновеніе и почтительность дѣтей къ родителямъ — обязанности, которыми въ нашемъ цивилизованномъ евро-

пейскомъ мірѣ начинаютъ все болѣе и болѣе пренебрегать. Дѣйствительно, семейство Ганемана было образцомъ древне-германскаго воспитанія дѣтей, и дѣти по отношенію къ родителямъ проявляли не одно повиновеніе, но и самую искреннюю любовь.

... „Отъ своихъ учениковъ Ганеманъ требовалъ не только умственнаго развитія и прилежанія, но и строгой нравственности. Мнѣ извѣстенъ одинъ случай, когда онъ отказалъ отъ своего дома одному талантливому молодому медику, такъ какъ узналъ, что послѣдній находится въ близкихъ отношеніяхъ къ одной хорошенькой особѣ легкаго поведения.

„Въ религіозныхъ вопросахъ Ганеманъ, принадлежавшій къ лютеранскому вѣроисповѣданію, держался вдалекѣ отъ всякихъ положительныхъ догматическихъ вѣрованій. Онъ былъ чистымъ, твердо убѣжденнымъ деистомъ. — Я не могу не благодарить Бога и не преклоняться передъ нимъ при видѣ его твореній,—часто говорилъ онъ.“

Воспоминанія Гартмана совершенно согласны съ впечатлѣніями Бруннова. Вотъ что онъ пишетъ: „Сѣдовласый старецъ съ высокимъ, выпуклымъ и глубокомысленнымъ челомъ, съ огненными и пронизательными глазами и съ спокойнымъ и пытливымъ выраженіемъ лица, сидѣлъ посреди насъ, какъ бы его дѣтей, также принимавшихъ участіе въ этихъ вечернихъ развлеченіяхъ. Тутъ становилось очевиднымъ, что своею обычно строгою наружностью онъ былъ обязанъ только глубокому и постоянному размышленію и внутреннему созерцанію цѣли, вѣчно имѣемой имъ въ виду, но что эта суровая внѣшность отнюдь не служила зеркаломъ его души, блестящая сторона которой обнаруживалась въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ при каждомъ удобномъ случаѣ, будучи легко доступна чувствамъ радости, веселья, довѣрія, откровенности и т. д. Какъ пріятно чувствовалъ себя учитель въ кругу своей семьи и друзей, между которыми находились не только его ученики, но и лица, извѣстныя въ другихъ спеціальностяхъ, отдавашія дань уваженія его ученію; какъ отрадно для него было отдохновеніе, которому онъ предавался въ своемъ креслѣ съ 8-ми часовъ вечера за кружкою пріятнаго лейпцигскаго пива. Тогда бывало интересно наблюдать за его оживленіемъ, которое легко возбуждалось каждый разъ,

когда заходила рѣчь о способахъ лѣченія врачей старой школы; лицо его воодушевлялось, онъ передвигалъ туда и сюда свою ермолоку на головѣ и выпускалъ изъ трубки такіе клубы дыму, которые какъ бы закутывали его въ облака; а когда онъ касался случаевъ изъ своей жизни, полной приключеній, и рассказывалъ о пережитыхъ имъ событіяхъ, то трубка часто потухала, и одна изъ дочерей, безъ всякаго напоминанія, поспѣшно опять ее зажигала. Кромѣ своей собственной науки, онъ, главнымъ образомъ, любилъ бесѣдовать о химіи, естественной исторіи и положеніи иноземныхъ странъ и народовъ; но онъ не любилъ, чтобы съ нимъ совѣтовались въ эти часы относительно случаевъ болѣзни; онъ тогда либо отвѣчалъ лаконически, либо дружески отклонялъ вопросы „до завтра“, и это не потому, чтобы онъ хотѣлъ избѣжать этотъ предметъ, но потому что онъ чувствовалъ утомленіе ума и тѣла отъ дневной практики; и на другой день, въ часы пріема больныхъ, онъ часто самъ возбуждалъ поднятый наканунѣ вопросъ, охотно помогалъ своимъ совѣтомъ и былъ доволенъ, когда вопрошавшій откровенно высказывалъ свой взглядъ или даже противорѣчилъ ему, причемъ онъ нерѣдко соглашался съ мнѣніемъ собесѣдника. — Отъ поры до времени онъ считалъ полезнымъ приглашать своихъ студентовъ и испытателей лѣкарствъ къ товарищескому ужину, но при этомъ допускались лишь тѣ, которые отличались усердіемъ, способностями и строгою нравственностью. Въ такихъ случаяхъ не все соотвѣтствовало всегда гомеопатическому духу, и хотя превосходная пища бывала приготовлена самымъ простымъ образомъ, но, вмѣсто обычнаго пива, подавалось хорошее вино, которое мы, впрочемъ, изъ уваженія къ учителю, пили умѣренно. Хорошее настроеніе и остроуміе никогда не отсутствовало и никогда не бывало недостатка въ предметахъ бесѣды, потому что при этомъ обыкновенно приглашались также другія умственно выдающіяся личности. Ганеманъ бывалъ оживленнѣе всѣхъ и принималъ участіе въ самомъ необузданномъ веселіи другихъ, но никогда не нарушалъ правилъ гостепріимства и не избиралъ никого изъ присутствующихъ предметомъ своего остроумія. Около 11 часовъ мы расходились и долго потомъ съ удовольствіемъ вспоминали эти пріятнѣйшіе вечера“.

Далѣ мы имѣемъ описаніе д-ра Грисселиха, посѣтившаго Ганемана въ Кётенѣ въ 1832 г. Онъ пишетъ: „Ганеманъ, которому теперь 77 лѣтъ, проявляетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ юношескую пылкость. По его тѣлесному виду не было бы видно слѣдовъ преклоннаго возраста, если бы сѣдые кудри не окаймляли его висковъ и время поневолѣ не возложило бы своей печати на его голый черепъ, прикрытый маленькою ермолкою. Ганеманъ не высокъ ростомъ, коренастъ, имѣетъ очень живой и проворный нравъ; въ каждомъ движеніи проявляется жизнь. Глаза обнаруживаютъ наблюдателя, они сверкаютъ юношескимъ огнемъ; у него рѣзкія, подвижныя черты лица. Старость, повидимому, также чужда его тѣлу, какъ и духу. У него огненная плавная рѣчь; часто она превращалась въ потокъ лавы противъ ненавистниковъ и гонителей *не лично его самого (объ этомъ онъ ничего не упоминаетъ)*, но гонителей истины, удостовѣриться въ которой онъ предлагаетъ уже десятки лѣтъ. Его память сохранила полнѣйшую свѣжесть; послѣ продолжительнаго перерыва рѣчи, онъ продолжаетъ говорить съ того, на чемъ остановился. Когда онъ сильно разгорячится, что случается часто, говоритъ ли онъ о другѣ или врагѣ, или же о научныхъ предметахъ, то слова льются неудержимымъ потокомъ; онъ необыкновенно оживляется и лицо принимаетъ выраженіе, которымъ путешественникъ (Грисселихъ) молча любовался. Тогда капли пота выступаютъ на его высокомъ лбу, ермолка должна быть поднята; въ это время даже большая трубка, вѣрная подруга дня, потухаетъ, такъ что ее снова приходится разжигать объ стоящую подлѣ, цѣлый день горящую восковую свѣчу. Но бѣлое пиво не должно быть забыто. Почтенный старецъ, кажется, такъ привыкъ къ этому сладковатому напитку, что послѣдній всегда стоитъ за его обѣдомъ въ большомъ стаканѣ съ крышкою. Даже и внѣ обѣда Ганеманъ пьетъ это пиво, непривычное для южнаго германца (Грисселихъ жилъ въ Карлсруэ). Вина онъ не пьетъ; его образъ жизни вообще очень простъ, скромнъ и патріархаленъ.

„Бесѣды Ганемана большею частью носятъ нѣкоторый полемическій характеръ... Однако, онъ ясно давалъ понимать, что въ сферѣ опыта онъ каждому предоставляетъ полную свободу исправлять и пополнять недостаточныя наблю-

денія, не исключая и его собственныхъ, но только не тому, кто стремится опровергать и подкапываться подъ нихъ путемъ только однихъ предположеній... Онъ былъ далекъ отъ того, чтобы подчинять своихъ послѣдователей деспотизму, исключаящему всякіе другіе взгляды“.

Сохранившіеся до сихъ поръ портреты, гравюры, медали и бюсты Ганемана служатъ какъ бы живою иллюстраціе къ описаніямъ очевидцевъ, которыхъ всѣхъ одинаково поражалъ его удивительнаго строенія черепъ, съ окаймляющими его серебрястыми прядями красиво вьющихся волосъ, величественный лобъ, необыкновенно умный и пронзительный взглядъ, тонкій орлиный носъ, и вся егo импонирующая наружность. И не будучи ни френологомъ, ни фізіономистомъ, каждый, кто взглянетъ на изображеніе Ганемана, скажетъ, что это голова замѣчательнаго и выдающагося человѣка.

По отношенію къ другимъ медицинскимъ геніямъ, онъ ближе всего подходитъ къ Гиппократу и Парацельзу. Съ Гиппократомъ у него много общаго. Для обоихъ интересы *практической* медицины составляютъ главную цѣль, а философія—только средство къ цѣли, личное мнѣніе; у обоихъ теорія служитъ выраженіемъ эмпирическихъ результатовъ, а отнюдь не апріорныхъ предпосылокъ. Также какъ и для Гиппократа, для Ганемана *терапия*, т. е., лѣченіе болѣзней человѣка, есть главное призваніе врача (см. § 1. Орг. 5 изд.), причеиъ онъ отводитъ должное мѣсто природѣ и ея цѣлительной силѣ, не налагаетъ на нее никакихъ цѣпей, не вмѣшивается тамъ, гдѣ сама природа достаточно сильна, чтобы водворить здоровье и порядокъ, но поддерживаетъ ее въ слишкомъ слабыхъ и сдерживаетъ ее въ слишкомъ бурныхъ проявленіяхъ ея цѣлительной силы. Такъ же какъ и Гиппократъ, онъ обращалъ большое вниманіе на *гигіену* и *діететику* въ обширномъ смыслѣ слова, т. е., пищу, питаніе, образъ жизни, привычки больного, *ванны* и пр. Онъ былъ врагомъ всякаго бесплоднаго умствованія или резонерства, несмотря на то, что подобно многимъ медицинскимъ мыслителямъ, создавалъ свои теоріи, гипотезы и теоремы; но онѣ никогда не служили ему руководящею нитью его практической дѣятельности. Объясненія и теоретическія разсужденія для него, какъ и для Гиппократа, имѣютъ только побочный интересъ (см. § 28, 5 изд.).

Общія же черты у Ганемана съ Парацельзомъ слѣдующія. Такъ же какъ и Парацельзъ, Ганеманъ ненавидѣлъ спекулятивный теоріи Галена, педантическую схоластику медицинскихъ школъ, воспринимающую лишь букву, а не духъ ученія; принималъ за верховное начало въ человѣкѣ жизненную силу, какъ Парацельзъ—архея; въ механизмѣ болѣзни и въ дѣйствиі лѣкарства видѣлъ динамическій процессъ; для поддержанія цѣлительной силы природы былъ убѣжденъ въ преимуществѣ примѣненія не антипатическихъ, а гомеопатическихъ средствъ, только понималъ гомеопатическій принципъ гораздо шире и глубже, чѣмъ Парацельзъ; усматривалъ главную цѣль терапіи въ отысканіи специфическихъ средствъ, только Парацельзъ искалъ спецификовъ противъ общихъ названій болѣзней (*specifica generalia*), а Ганеманъ шелъ гораздо дальше и искалъ спецификовъ для каждого отдѣльнаго больного (*specifica individualia*). Оба они настаивали на необходимости простыхъ предписаній, отвергали многосмѣшенія и вводили наиболѣе дѣйствительныя формы приготовленія лѣкарствъ, тинктуры и эссенціи. Они оба отвергають схоластику, метафизическую медицину и писаную традицію, устремляя все вниманіе на опытъ и наблюденіе. Наконецъ, Ганеманъ раздѣляетъ вмѣстѣ съ Парацельзомъ превратности судьбы, перемѣны мѣстъ, преслѣдованіе врачей и гоненія за свои реформаторскія тенденціи.

Его неоднократно сравнивали съ другими великими людьми, оставившими глубокіе слѣды въ исторіи европейской цивилизаціи, а именно, по философской остротѣ мышленія съ Кантомъ, по реализму направленія съ Бэкономъ, а по неустранимой энергіи, съ какою онъ боролся за истину, съ Мартиномъ Лютеромъ. И, дѣйствительно, какъ историческій характеръ, онъ больше всего напоминаетъ этого религіознаго реформатора XVI вѣка; и подобно тому, какъ Лютеръ съ мощною отвагою подорвалъ основы римско-католической іерархіи, такъ Ганеманъ съ титаническою силою потрясъ до основанія многовѣковой храмъ традиціонной медицины и совершилъ переворотъ, вліяніе котораго и по нынѣ отражается на всякомъ истинномъ прогрессѣ врачебной науки.

Окинемъ же теперь послѣднимъ взоромъ все обширное поле реформы, совершенной Ганеманомъ въ области патологіи, фармакологіи и терапіи.

Въ *патологii* онъ далъ противовѣсъ прежнему химико-механическому воззрѣнiю, выдвинувши на первый планъ динамическiй факторъ болѣзней, нервную силу и органическую цѣлостность организма. Въ то время, какъ прежняя патологiя находилась въ вѣчной погонѣ за непостижимою сущностью или такъ называемою „ближайшею причиною“ болѣзней и не выходила изъ лабиринта догматическихъ понятiй, теорiй и хитросплетенiй, на почвѣ которыхъ она мнила строить такъ-называемый рациональный планъ лѣченiя,—Ганеманъ отвергнулъ это опасное уклоненiе мудрствующаго разума отъ твердой почвы фактовъ и наблюденiя и съ непоколебимою твердостью убѣжденiя показалъ, что для практическихъ цѣлей лѣченiя, патологiя должна давать лишь точную и полную совокупность всѣхъ наличныхъ объективныхъ и субъективныхъ симптомовъ болѣзни, причемъ симптомы, конечно, нужно не только сосчитывать, но и взвѣшивать, вникать въ ихъ физиологическое значенiе, различать существенное отъ случайнаго и путемъ оцѣнки симптомовъ доходить до опредѣленiя исходнаго пункта и локализации болѣзни.

Фармакологii, какъ науки, въ прошломъ вѣкѣ и первой половинѣ нынѣшняго не существовало вовсе. Фармакологiя представляла лишь сплошной вымыселъ или собранiе сказочныхъ преданiй, фантастическихъ предположенiй и личныхъ мнѣнiй о воображаемомъ дѣйстви лѣкарствъ, свѣдѣнiя о которыхъ главнымъ образомъ черпались изъ употребленiя у постели больного длиннѣйшихъ рецептовъ и сложнѣйшихъ многосмѣшенiй. Лучшiе врачи сознавали полную неудовлетворительность фармакологiи, но не умѣли исправить ея радикальные недостатки. Ганеманъ же, сознавши всю неисправимую негодность старой фармакологiи, началъ съ того, что выкинулъ за бортъ всю эту призрачную науку и, обратившись къ чистому источнику наблюденiя и опыта, сталъ изучать физиологическое дѣйствiе на здоровый человѣческiй организмъ отдѣльныхъ простыхъ лѣкарственныхъ средствъ, каждое порознь, и такимъ образомъ создалъ чистое лѣкарствовѣдѣнiе. Въ стремленiи своемъ избѣжать всякихъ субъективныхъ и догматическихъ воззрѣнiй, онъ устранилъ изъ своего лѣкарствовѣдѣнiя всякiя гипотезы и теорiи механизма дѣйствiя лѣкарствъ и представилъ лишь въ сыромъ видѣ весь тотъ фактическiй материалъ, который на всѣ времена

даетъ твердое и реальное основаніе терапіи и можетъ навсегда служить основаніемъ для всевозможныхъ теорій и гипотезъ. Такимъ образомъ онъ создалъ экспериментальный методъ изслѣдованія лѣкарственныхъ средствъ, совершенно независимый отъ вѣяній времени и случайныхъ направленій въ медицинѣ.

Терапія времени Ганемана нуждалась въ самомъ настоящемъ преобразованіи, потому что злоупотребленіе кровопусканіями, меркуриализаціею и такъ-называемыми героическими средствами, стоившими жизни милліонамъ, дошло до своего апогея. И вотъ въ то время, когда такая убійственная терапія находилась во всеобщемъ примѣненіи у врачей и пользовалась неограниченнымъ довѣріемъ публики, Ганеманъ показалъ и доказалъ полнѣйшую негодность и абсолютный вредъ общеупотребительныхъ методовъ лѣченія и совершенно разрушилъ основаніе, на которомъ прежде строилась терапія. Прежде дѣйствовали такъ: сочиняли искусственную теорію болѣзни, а затѣмъ придумывали хитрую гипотезу дѣйствія лѣкарства и стремились подладить лѣкарственную гипотезу подъ патологическую теорію. Такимъ образомъ связующимъ звеномъ между патологіею и терапіею должны были служить вѣчно измѣнчивыя медицинскія „системы“, которыя вспыхивали и потухали, какъ блуждающіе огни, и въ сущности оставляли обѣ эти науки разъединенными и несогласимыми: между патологіею и терапіею оставалась зияющая пропасть, и терапія не имѣла подъ собою никакого твердаго и реального основанія. Ганеманъ зоркимъ окомъ усмотрѣлъ этотъ радикальный недостатокъ терапіи и совершенно ясно и глубокомысленно понялъ, что пока различные методы лѣченія будутъ строиться на теоріяхъ болѣзни, терапія всегда будетъ находиться въ неустойчивомъ состояніи и никогда не поднимется до уровня науки. Для того, чтобы дать терапіи прочное основаніе, какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ, онъ установилъ опытный индуктивный законъ лѣченія, совершенно независимый ни отъ патологическихъ, ни отъ фармакологическихъ теорій, и являющійся въ одно и то же время основаніемъ какъ для теоріи, такъ и для практики терапіи. Этотъ законъ, —*similia similibus curantur*, — какъ и всѣ другіе законы въ опытныхъ наукахъ, служитъ лишь выраженіемъ постояннаго и неизмѣннаго отношенія между

явными, доступными и реальными проявлениями болѣзни съ одной и явными, доступными и реальными свойствами лѣкарственныхъ веществъ съ другой стороны, благодаря чему практика гомеопатіи прямо вытекаетъ изъ формулы теоретическаго закона, не нуждаясь въ посредствующихъ теоріяхъ болѣзни или механизма дѣйствія лѣкарствъ. Законъ подобія прямо указываетъ на тѣ свойства каждаго лѣкарственнаго вещества, которыя дѣлають его пригоднымъ въ различныхъ болѣзняхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ ключъ къ нахожденію индивидуально специфическихъ средствъ для каждаго любого болѣзненнаго состоянія; и по скольку дозволяетъ совершенство нашего лѣкарствовѣдѣнія, каждая болѣзнь даетъ врачу непосредственное указаніе къ собственному ея излѣченію. Взаимоотношеніе подобія между изученными проявлениями болѣзни и изученными свойствами лѣкарства представляетъ тотъ неразрушимый мостъ, который связываетъ между собою патологію и терапію и возводитъ терапію на степень опытной науки. Установленіемъ такого руководящаго правила лѣченія Ганеманъ внесъ свѣтъ въ прежнее междуцарствіе тьмы и хаоса, вмѣсто грубаго эмпиризма поставилъ въ основу терапіи разумно-научный опытъ и наблюденіе, вмѣсто догадокъ выдвинулъ впередъ знаніе и на мѣсто анархіи и произвола водворилъ господство порядка и закона.

Такимъ образомъ, реформаторская дѣятельность Ганемана имѣетъ двѣ стороны, разрушительную и созидающую. Все что онъ отвергалъ и порицалъ въ современной ему медицинѣ, какъ ошибочное, ненужное и рискованное, все это и въ настоящее время отвергается и порицается университетскою медициною и на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ; изъ чего слѣдуетъ, что по дальнозоркости сужденія онъ далеко опередилъ свой вѣкъ и что отрицательная сторона его реформы приноситъ богатые плоды еще и въ настоящее время. Но разрушая прежніе методы лѣченія, какъ бесполезные или зловредные, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ далъ взамѣнъ и ввелъ въ обширное употребленіе новый методъ лѣченія, имѣющій преимущества избавлять страдающихъ отъ недуговъ скорѣйшимъ, совершеннѣйшимъ и пріятнѣйшимъ образомъ и удовлетворяющій до тонкости первому требованію научной терапіи, — индивидуализировать каждое отдѣльное болѣзненное состояніе пациента. Этотъ методъ лѣченія имѣетъ на своемъ

знамени многозначительный девизъ: *similia similibus curentur*, и вокругъ этого знамени въ настоящее время сплотилась могучая армія изъ 15000 врачей и нѣсколькихъ милліоновъ ихъ послѣдователей, свидѣтельствующихъ о высокомъ достоинствѣ позитивной реформы творца гомеопатіи и славословящихъ имя Самуила Ганемана, какъ величайшаго благодѣтеля человѣчества.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Самуилу Ганеману воздвигнуты памятники въ Лейпцигѣ и Кётенѣ и въ настоящее время оканчивается постройка грандіознаго памятника въ Вашингтонѣ. Но лучший его памятникъ это его литературныя сочиненія, списокъ которыхъ мы ниже прилагаемъ.

1) ПЕРЕВОДЫ.

- 1) Cr. Nugent's Versuch über die Wasserscheu; aus dem *Englischen*. Leipzig 1777. 8.
- 2) J. Stedtmann's physiologische Versuche und Beobachtungen; aus dem *Englischen*, mit Kupfern. 1777. 8.
- 3) W. Falkoner's Versuch über die mineralischen Wasser und warmen Bäder; aus dem *Englischen*. Leipzig. Thl. 1. 2. 1777. 8.
- 4) Ball's neuere Heilkunst. 2. Bd., aus dem *Englischen*. Leipzig 1777 und 1780. 8.
- 5) Demachy's Laborant im Grossen, oder: Kunst, die chemischen Producte fabrikmässig zu verfertigen; aus dem *Französischen* übersetzt und mit Zusätzen versehen. Leipzig bei Crusius. 2. Theile. 1784.
- 6) Der Liqueurfabrikant; aus dem *Französischen* der Herren Demachy und Dubuisson übers. und mit Zusätzen bereichert. Leipzig 1785. 8.
- 7) Demachy's Kunst des Essigfabrikanten; aus dem *Französischen*. Herausg. u. m. Bemerk. u. ein Anh., mit 1 Kpf. Leipzig. 1787. 8.
- 8) Die Kennzeichen der Güte und Verfälschung der Arzneimittel von J. B. van den Sande, Apotheker zu Brüssel und S. Hahnemann. Dresden, bei Walther 1787. 8.
- 9) Geschichte des Abelards und der Heloise, nach des d'Amboise Ausg.; aus dem *Englischen* des Herrn J. Barington. Leipzig. 1789. 8.
- 10) M. Ryan's Untersuchung der Natur und Kur der Lungenschwindsucht mit einigen Bemerkungen über eine neue Schrift (Reid's), desselben Inhalts; aus dem *Englischen*. Leipzig. 1790. 8.
- 11) Ad. Fabbroni's Kunst, nach vernünftigen Grundsätzen Wein zu verfertigen; aus dem *Italienischen* mit Zusätzen und Kupfern. Leipzig 1790. 8.
- 12) Joh. Grigg's Vorsichtsmassregeln für das weibliche Geschlecht, besonders in der Schwangerschaft und dem Kindbette u. s. w.; aus dem *Englischen* übersetzt. Leipzig 1791. 8.
- 13) Arthur Young's F. R. S. Annalen des Ackerbaues und anderer nützlicher Künste; aus dem *Englischen* übersetzt von Hahnemann. Leipzig 1790 und 1802. 3 Bd.
- 14) W. Cullen's Abhandlung über die Materia Medica; aus dem *Englischen* übersetzt und mit Anmerkungen begleitet. Leipzig 1790. 8. 2 Thle.

Памятникъ Ганеману въ Лейпцигѣ.

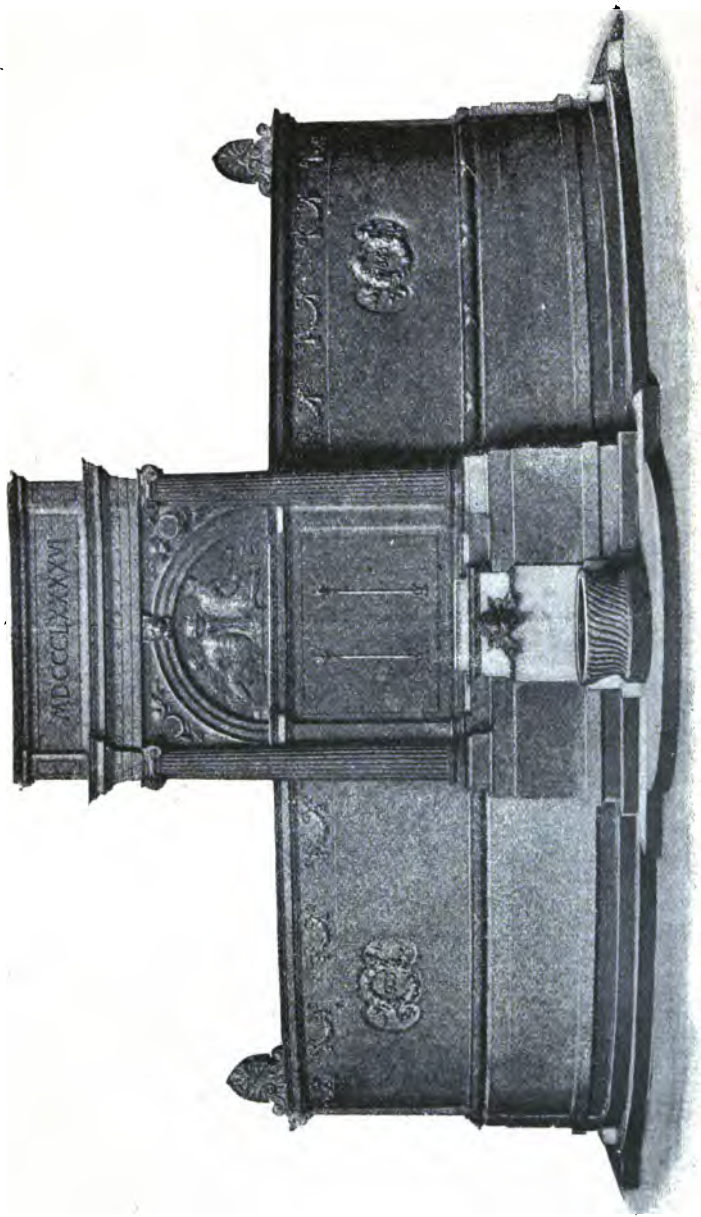
Памятникъ Ганеману въ Кѳтегѣ.

**Памятникъ Ганеману въ Вашингтонѣ.
(Передній фасадъ).**

**Памятникъ Ганеману въ Вашингтонѣ
(Центральная фигура).**

Памятникъ Гавману въ Вашингтонѣ.
(Задній фасадъ).

- 15) Donald Monroe's chemisch-pharmaceutische Arzneimittellehre; aus dem *Englischen* übersetzt und mit Anmerkungen begl. 2 Thl. Leipzig 1791.
- 16) De la Metherie über die reine Luft und verwandte Luftarten und Stoffe; aus dem *Französischen* übersetzt. Leipzig 1791. 2 Bd.
- 17) Edward Rigby's chemische Bemerkungen über den Zucker; aus dem *Englischen* übersetzt mit Anmerkungen. 2 Bd. Dresden 1791.
- 18) Mehrere Abhandlungen in der Sammlung der auserlesenen und neuesten Abhandlungen für Wundärzte. Leipzig. 1783, 1784, 1787.
- 19) Neues Edinburger Dispensatorium; aus dem *Englischen*. 2 Thl. 1797—1798.
- 20) W. Taplin's Rossarzneikunde; aus dem *Englischen*. 2 Thl. Leipzig 1797—1798.
- 21) Ed. Home's Heilart der Harnröhrenverengerungen; aus dem *Englischen*. Leipzig 1800.
- 22) Arzneischatz oder Sammlung gewählter Recepte; aus dem *Englischen*. Leipzig. 1800.
- 23) Albert v. Haller's Arzneimittellehre; aus dem *Lateinischen*. Leipzig. 1806.

2) ОРИГИНАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

- 1) Dissertatio inauguralis medica: Conspectus affectuum spasmodicorum aetiologicus et therapeuticus, Erlangae 1779, 4 S. 20.
- 2) Die ersten kleinen Abhandlungen im 2. Hefte der medicinischen Beobachtungen von Dr. Krebs, Quedlinburg 1782, sind von Hahnemann.
- 3) Anleitung, alte Schäden und faule Geschwüre gründlich zu heilen u. s. w. Leipzig bei Crusius 1784. Von S. Hahnemann.
- 4) Ueber Arsenikvergiftung, ihre Hülfe und gerichtliche Ausmittelung, Leipzig bei Crusius, 1784.
- 5) Ueber die Schwierigkeiten der Minerallaugensalz-Bereitung durch Pottasche und Kochsalz. (Crell's chem. Annal. 1787, St. 2.)
- 6) Abhandlung über die Vorurtheile gegen die Steinkohlenfeuerung, die Verbesserungsarten dieses Brennstoffes u. s. w., mit 2 Kupfertafeln. Dresden bei Walther 1787.
- 7) Ueber den Einfluss einiger Luftarten auf die Gährung des Weines. (Crell's chem. Ann. 1788. Bd. 1, St. 4.)
- 8) Ueber die Weinprobe auf Blei und Eisen. (Crell's chem. Ann. 1788, Bd. 1, St. 4.)
- 9) Ueber die Galle und Gallensteine. (Crell's chem. Ann. 1788. Bd. 2, St. 10.)
- 10) Ueber ein ungemein kräftiges, die Fäulniss hemmendes Mittel. (Crell's chem. Ann. 1788, Bd. 2, St. 12; (in's Französische übersetzt von Cruet).
- 11) Missglückte Versuche bei einigen angegebenen neuen Entdeckungen. (Crell's chem. Ann. 1789. Bd. 1, St. 3.)

- 12) Brief an L. Crell über den Schwerspat. (Crell's chem. Ann. 1789. Bd. 1. St. 8.)
- 13) Entdeckung eines neuen Bestandtheils im Reissblei. (Crell's chem. Ann. 1789. Bd. 2. St. 10.)
- 14) Etwas über das principium adstringens der Pflanzen. (Crell's Beiträge zu den chem. Ann. IV. 1789.)
- 15) Genaue Bereitungsart des auflösllichen Quecksilbers in den lit. Nachrichten für Aerzte 1788—89. 4. Quartal. Halle; u. in Baldinger's neuem Magazin für Aerzte. Bd. 11. St. 5. 1789.)
- 16) Unterricht für Wundärzte über die venerischen Krankheiten, nebst einem neuen Quecksilberpräparate. Leipzig, bei Crusius 1789.)
- 17) Vollständige Bereitungsart des auflösllichen Quecksilbers. (Crell's chem. Ann. 1790. Bd. 2, St. 7.)
- 18) Unauflösllichkeit einiger Metalle und ihrer Kalke in ätzendem Salmiakgeiste. (Crell's chem. Ann. 1791. Bd. 2. St. 8.)
- 19) Brief an Crell über verschiedene chemische Gegenstände. (Crell's chem. Ann. 1790. Bd. 1. S. 256.)
- 20) Mittel, den Speichelflusse und den verwüstenden Wirkungen des Quecksilbers zu entgehen. (Blumenbach's med. Bibliothek. 1791. Bd. 3. St. 3.)
- 21) Beiträge zur Weinprüfungslehre. (Scherf's Beitr. z. Arch. d. med. Pol. Leipzig, 1792. Bd. 3.)
- 22) Ueber die Glaubersalzbereitung nach Ballenscher Art. (Crell's chem. Ann. 1792, St. 1.)
- 23) Freund der Gesundheit. Heft 1. Frankfurt bei Fleischer. 1792. — Heft 2. Leipzig, bei Crusius. 1795.)
- 24) Striche zur Schilderung Klockenbring's während seines Trübsinns. (Deutsche Monatsschrift 1796. Februarheft.)
- 25) Apothekerlexikon, Thl. 1, Abth. 1, A — E. Leipzig bei Crusius 1793. (Thl. 1, Abthl. 2. F — K. 1799.)
- 26) Etwas über die Würtenbergischen und Hahnemann'schen Weinproben (Intelligenzblatt der allgem. Lit. Zeitung. 1793. Nr. 79.)
- 27) Handbuch für Mütter. Leipzig bei Fleischer 1796.
- 28) Versuch über ein neues Princip zur Auffindung der Heilkräfte der Arzneisubstanzen, nebst einigen Blicken auf die bisherigen. (Hufeland's Journal Bd. 2, St. 3 und 4.) 1796.
- 29) Sind die Hindernisse der Gewissheit und Einfachheit der praktischen Arzneikunde unübersteiglich? (Hufeland's Journal Bd. 4. St. 4.) 1797.
- 30) Eine plötzlich geheilte Kolikodynie. (Hufeland's Journal Bd. 3, St. 1.) 1797.
- 31) Gcgenmittel einiger heroischer Gewächssubstanzen. (Hufeland's Journal Bd. 5. St. 3.) 1798.
- 32) Einige Arten anhaltender und nachlassender Fieber. (Hufeland's Journal Bd. 5. St. 19.)
- 33) Einige periodische Krankheiten und Septimanen. (Hufeland's Journal Bd. 5. S. 45.)
- 34) Eine Vorrede zum Arzneischatz von S. Hahnemann. Leipzig bei Fleischer. 1800.

- 35) Monita über die drei gangbaren Curarten vom Herausgeber des Arzneischatzes (Hahnemann) 1801. (Hufeland's Jour. Bd. 11, St. 4.)
- 36) Heilung und Verhütung des Scharlachfiebers. Gotha bei Becker 1801.
- 37) Ueber die Kraft kleiner Gaben der Arzneien überhaupt und der Belladonna insbesondere. (Hufeland's Journal Bd. 13. St. 2.) 1801.
- 38) Fragmentarische Bemerkungen zu Brown's elements of medicine von S. Hahnemann. (Hufeland's Journal Bd. 5. St. 2). 1801.
- 39) Ansicht der ärztlich-collegialischen Humanität am Anfange des neuen Jahrhunderts. (Reichs-Anzeiger 1801. № 32.)
- 40) Der Kaffee in seinen Wirkungen. Nach eigenen Beobachtungen von S. Hahnemann. Leipzig 1803.
- 41) Gedanken bei Gelegenheit des im Reichs-Anzeiger 1803 No 7 und 49 empfohlenen Mittels gegen die Folgen des Bisses toller Hunde. (Reichs-Anzeiger 1803 Nr. 71.)
- 42) Aeskulap auf der Wagschale. Leipzig 1805, bei Steinacker.
- 43) Fragmenta de viribus medicamentorum positivis, sive in sano corpore observatis. Barth. Lipsiae. 1805. Tom. I. u. II.
- 44) Bedenklichkeiten über das im Reichs-Anzeiger 1806 Nr. 12 angebotene China-Surrogat u. Surrogate überhaupt. Reichs-Anzeiger 1806. Nr. 57.)
- 45) Heilkunde der Erfahrung. Berlin bei Wittig, 1806. (Auch in Hufeland's Journal Bd. 22. St. 3 abgedruckt.)
- 46) Ueber den jetzigen Mangel aussereuropäischer Arzneien. (Allgem. Anzeiger 1808. Nr. 207.)
- 47) Ueber die Surrogate ausländischer Arzneien und über die jüngst von der med. Fakultät in Wien angegebenen Ueberflüssigkeitsgründe der letztern. (Allg. Anzeiger d. D. 1808. S. 327.)
- 48) Ueber den Werth der speculativen Arzneisysteme besonders im Gehalt der mit ihnen gepaarten gewöhnlichen Praxis. Allgem. Anzeiger d. D. 1808. S. 263.
- 49) Auszug eines Briefes an einen Arzt von hohem Range (Hufeland) über die höchst nöthige Wiedergeburt der Heilkunde. (Allgemeiner Anzeiger d. D. 1808. S. 343.)
- 50) Bemerkung über das Scharlachfieber. (Allgemeiner Anzeiger d. D. 1808. S. 160.)
- 51) Fingerzeige auf den homöopathischen Gebrauch der Arzneimittel in der bisherigen Praxis. (Hufeland's Journal Bd. 26. St. 2.)
- 52) An einen Doctorand der Medicin. (Allgemeiner Anzeiger d. D. 1809 St. 227.)
- 53) Zeichen der Zeit in der, gewöhnlichen Arzneikunst. (Allgem. Anzeiger d. D. 1809. Nr. 326.)
- 54) Belehrung über das herrschende Fieber. (Allgem. Anzeiger d. D. 1809. No. 261.)
- 55) Organon der rationellen Heilkunde von S. Hahnemann. Dresden 1810. — Organon der Heilkunst. 2te verm. Aufl. Dresden 1819. 3te verb. Aufl. 1824. 4te verb. Aufl. 1829. 5te Aufl. 1833.
- 56) Reine Arzneimittellehre. Theil 1. Dresden 1811. 2-te vermehrte Auflage 1822. 3te vermehrte Auflage 1830. — Theil 2. 1816. 2te Auflage 1824. 3te Auflage 1833. — Theil 3. 1816. 2te vermehrte Auflage 1825.—

- Theil 4. 1818. 2te vermehrte Auflage 1825. — Theil 5. 1819. 2te vermehrte Auflage 1826. — Theil 6. 1821. 2te vermehrte Aufl. 1827.
- 57) *Dissertatio historico - medica de helleborismo veterum.* Lipsiae MDCCCXII.
- 58) Heilart des jetzt herrschenden Nerven- oder Spitalfiebers. (Allg. Anzeiger d. D. 1814. Nr. 6.)
- 59) Belehrung über die venerische Krankheit und ihre gewöhnliche unrechte Behandlung. (Allgem. Anzeiger d. D. 1816. S. 211.)
- 60) Ueber Heilung der Verbrennungen. (Allgemeiner Anzeiger d. D. 1816. S. 156 und 204.)
- 61) Ueber die Lieblosigkeit gegen Selbstmörder. (Allgem. Anzeiger d. D. 1819. Nr. 144.)
- 62) Aerztlicher Rath im rothen Friesel. (Allg. Anz. d. D. 1821. Nr. 26.)
- 63) Ueber das Selbstbereiten und Selbstdarreichen der Arzneien von Seiten homöopathischer Aerzte. 1820. (In Hahnemann's kleinen Schriften 2. Band. S. 192.)
- 64) Wie liesse sich wohl die Homöopathie am gewissensten wieder ausrotten? (Allg. Anzeiger d. D. 1825. S. 227.)
- 65) Belehrung für den Wahrheitssucher in Nr. 165 des Allgem. Anzeigers d. D. (Allgemeiner Anzeiger d. Deutschen. 1825. S. 194.)
- 66) Die chronischen Krankheiten, ihre eigenthümliche Natur und homöopathische Heilung; von Dr. Samuel Hahnemann. Theil 1. Dresden bei Arnold 1828. 2. Theil 1828. 2te vermehrte Aufl. 1835. 3. Theil 1828. 2te vermehrte Auflage. Düsseldorf bei Schaub 1837. 4. Theil. 1830. 2te vermehrte Auflage. Düsseldorf bei Schaub 1838. 5. Theil. 1830. 2te vermehrte Aufl. 1839.
- 67) Kleine medizinische Schriften von Samuel Hahnemann, gesammelt und herausgegeben von Dr. Ernst Stapf. 2 Bände. Dresden und Leipzig bei Arnold. 1829. 8. S. XIV. 252 und 284. (Enthält fast alle die angeführten Aufsätze, die chemischen ausgenommen).
- 68) Die Allöopathie; eine Warnung für Kranke aller Art von S. Hahnemann. Leipzig bei Baumgärtner 1831.
- 69) Aufruf an denkende Menschenfreunde über die Ansteckungsart der asiatischen Cholera von S. Hahnemann. Leipzig bei Berger 1831.
- 70) Heilung der Cholera von S. Hahnemann. 8. 1831. 2te Auflage. Cöthen 1831 bei Aue.
- 71) Heilung der Cholera nebst einem Zusatze Nürnberg 1832 bei Stein. 2te Auflage.
- 72) Hahnemann's Heilung und Ausrottung der Cholera. Leipzig bei Glück. 1831.

При составленіи этого очерка литературными пособиями для меня служили слѣдующія сочиненія:

- 1) **Ernst von Brunnow.** Ein Blick auf Hahnemann und die Homöopathik. Leipzig. 1844.
- 2) **Franz Albrecht.** Dr. Samuel Hahnemann's Leben und Wirken, Leipzig. 1875.
- 3) **Вильгельмъ Амеке.** Возникновеніе Гомеопатіи и Борьба противъ ея распространенія. СПб. Изданіе Флемминга. 1889.
- 4) **Thomas Lindsley Bradford.** The life and letters of Dr. Samuel Hahnemann. Philadelphia. 1895.

UNIV. OF MICHIGAN,

FEB 5 1913